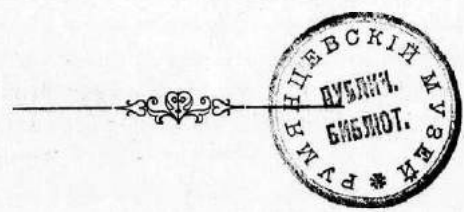

801-14
2102

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ
ОБРАЗОВАНИИ РУССКИХЪ НАРѢЧИЙ
И
РУССКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

А. А. Шахматова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“, Фонтанка 95
1899

Извлечено из Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, апрѣль 1899.

41777-0

2011142916

Современные русскіе говоры принято дѣлить на три главныя группы (нарѣчія): великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую. Дѣленіе это основано не только на данныхъ, представляемыхъ особенностями этихъ говоровъ, но также и на рѣзкихъ отличіяхъ, замѣчаемыхъ въ нравахъ, обычаяхъ, творчествѣ, формахъ быта тѣхъ трехъ народностей русскихъ, по которымъ получили свое названіе и нарѣчія, ими употребляемая. Такое дѣленіе соответствуетъ также территориальному распредѣленію русскихъ народностей: только въ мѣстностяхъ, сравнительно недавно колонизованныхъ, встрѣчаются смѣшанныя поселенія великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Стоитъ ли такое дѣленіе русскаго народа въ связи съ племенными различіями, восходящими къ отдаленнымъ доисторическимъ эпохамъ? Не сложилось ли оно лишь недавно, на памяти исторіи, свидѣтельствующей о великихъ событіяхъ, оторвавшихъ юго-западъ Россіи отъ сѣверо-востока и обособившихъ области западнорусскія? Соответствуютъ ли современныя границы названныхъ народностей древнерусскимъ племеннымъ границамъ или надо допустить передвиженіе племенъ, а также измѣненіе первоначальной группировки ихъ подъ вліяніемъ политической жизни, сосредоточивавшейся вокругъ Кіева, Москвы, Галича и Вильны? Разрѣшенія этого ряда вопросовъ историкъ языка ждетъ отъ историка народа; послѣдній, въ свою очередь, чувствуя иногда безсиліе, въ виду скудости данныхъ, обращается къ отдѣльнымъ отраслямъ исторической науки и главнымъ образомъ къ той же исторіи языка, живаго свидѣтеля самыхъ отдаленныхъ эпохъ жизни всякаго народа. И дѣйствительно, изученіе русскаго языка въ его настоящемъ и прошломъ, поставленное при этомъ въ связь съ исторіей русскаго народа, можетъ дать до извѣстной степени опредѣленные отвѣты на только что поставленные вопросы.

Оно свидѣтельствуеъ прежде всего, что одно изъ главныхъ нарѣчій русскаго языка—великорусское не представляетъ въ частяхъ своихъ того единства, которое можно было бы ожидать отъ него въ томъ случаѣ, если бы это нарѣчье, по своему происхожденію, восходило къ языку одного какого-нибудь древнерусскаго племени. Великорусское нарѣчье распадается на три группы говоровъ, рѣзко между собой отличающихся: *южновеликорусскую*, измѣняющую звукъ *о* въ слогахъ неударяемыхъ въ *а* и произносящую согласную *ѣ* близко къ латинскому *h*, тождественно же съ малорусскимъ *ѣ*; *сѣверновеликорусскую*, сохраняющую звукъ *о* въ слогахъ неударяемыхъ и произносящую *ѣ* какъ мгновенную согласную, тождественную съ латинскимъ *g*; группу *смѣшанныхъ* говоровъ, въ фонетикѣ которыхъ совмѣщаются особенности южновеликорусской и сѣверновеликорусской рѣчи; между этими говорами особенно выдающееся мѣсто занимаетъ говоръ города Москвы, какъ въ силу того, что онъ сталъ государственнымъ и литературнымъ языкомъ, такъ и потому, что особенности, характерныя для южной и сѣверной группъ великорусскихъ говоровъ, сочетались въ немъ особенно гармонически: въ Москвѣ произносятся гласныя по южному, а согласныя по сѣверному. Существованіе смѣшаннаго говора въ Москвѣ ясно показываетъ, что дѣленіе великорусскаго нарѣчія на сѣверную и южную группы восходитъ къ глубокой древности: оно во всякомъ случаѣ старше XIV вѣка—периода образования и роста московскаго государства. Сравнительное изученіе великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія показываетъ, что это дѣленіе исконное. Великорусское нарѣчье можно было бы противопоставить, какъ нѣчто цѣльное и единое въ отдаленномъ прошедшемъ, нарѣчію малорусскому; но этого нельзя сдѣлать въ отношеніи его къ нарѣчію бѣлорусскому. Между южной группой великорусскихъ говоровъ и бѣлорусскимъ нарѣчіемъ открывается самая тѣсная связь въ звукахъ и формахъ, связь, рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствующая о близкомъ родствѣ между бѣлоруссами и одною частью великоруссовъ: въ Рязанской и Тульской губерніяхъ, населенныхъ южными великоруссами, акаютъ, якаютъ (произносятся *я* вмѣсто *е*) такъ же, какъ въ губерніяхъ бѣлорусскихъ; согласныя звуки *ѣ* и *е*, рѣзко отличающіеся въ рѣчи сѣвернаго и южнаго великорусса, произносятся послѣднимъ сходно съ бѣлорусскою рѣчью.

Близость южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ отмѣчена давно уже наукой, и Потѣбня считалъ себя въ правѣ признать бѣло-

русскую группу говоровъ вѣтвью не всего великорусскаго нарѣчія, а только его южнаго поднарѣчія. Съ такимъ взглядомъ нашего знаменитаго языковѣда можно согласиться лишь съ известной оговоркой. Образованіе великорусской и бѣлорусской народностей должно во всякомъ случаѣ поставить въ связь съ образованіемъ московскаго и литовско-русскаго государствъ: только въ XIV—XV вѣкахъ, вмѣсто разнородныхъ и весьма многочисленныхъ политическихъ тѣлъ, на которыя распалась Русь—сѣверо-западная и сѣверо-восточная, появилось два обширныхъ тѣла, поглотившихъ все остальные; и если теперь на томъ же пространствѣ, видѣвшемъ некогда столько разнообразныхъ племенъ русскихъ, находимъ двѣ народности—великорусскую и бѣлорусскую, мы въ полномъ правѣ заключить, что поглощеніе русскихъ княженій и удѣловъ московскимъ и литовско-русскимъ государствами шло одновременно и параллельно съ поглощеніемъ русскихъ племенъ и нарѣчій—великорусскою и бѣлорусскою народностями. Слѣдовательно, великорусская народность не можетъ быть старше московскаго или предшествовавшаго ему владимирскаго государства, а о бѣлорусской народности можно говорить только со времени образованія государства въ бассейнахъ Западной Двины и Нѣмана. Вотъ почему я не могу признать бѣлоруссовъ вѣтвью южныхъ великоруссовъ и не рѣшаюсь употреблять терминовъ „великорусскій“, „бѣлорусскій“, когда говорю объ эпохахъ, предшествующихъ образованію великорусскаго и бѣлорусскаго государствъ. Признаніе бѣлорусской группы говоровъ вѣтвью южно-великорусскаго поднарѣчія опровергается и свидѣтельствомъ самого языка: южно-великорусскіе говоры пережили рядъ общихъ явленій въ звукахъ и формахъ съ говорами сѣверно-великорусскими, явленій, чуждыхъ говорамъ бѣлорусскимъ; отношу сюда, напримѣръ, переходъ *ы* въ *о* въ случаяхъ какъ слѣпой, мою, вою, или образованіе именительнаго множественнаго числа на *а* въ именахъ мужскаго рода: городá, домá. Слѣдовательно, признавая говоры Рязанской, Тульской, Калужской губерній великорусскими, мы имѣемъ въ виду рядъ общихъ звуковыхъ явленій, роднящихъ ихъ съ говорами другихъ мѣстностей Великой Россіи—Ярослава, Костромы, Новгорода; основанийъ же для признанія великорусскими, а слѣдовательно и южно-великорусскими, говоры Могилевской или Витебской губерній мы не имѣемъ. Соображая все это и имѣя въ виду, съ одной стороны, исконное родство говоровъ Рязанской, Тульской, Калужской и другихъ губерній съ говорами бѣлорусскими,

а съ другой—современную близость ихъ къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ, мы должны заключить, что, по происхожденію своему, бѣлоруссы и южные великоруссы—это двѣ вѣтви одной общей племенной группы; историческія событія обособили эти двѣ вѣтви—западную (современные бѣлоруссы) и восточную (современные южно-великоруссы), при чемъ восточная вѣтвь примкнула къ другой племенной группѣ (современные сѣверно-великоруссы) и слилась съ ней въ одной общей, новой по происхожденію народности—великорусской. Такимъ образомъ современнымъ двумъ народностямъ—великорусской и бѣлорусской въ древности соотвѣтствовали также двѣ племенные группы: одну изъ нихъ назовемъ сѣвальною, а другую среднерусскою. Но по составу своему эти двѣ группы не были тождественны съ современными двумя народностями: великорусская народность объединила племена и нарѣчія сѣвальной группы съ восточною вѣтвью среднерусской группы, а бѣлорусская народность соотвѣтствуетъ только западной вѣтви этой же среднерусской группы.

Я назвалъ открываемыя при сравнительномъ изученіи современныхъ русскихъ говоровъ древнерусскія племенные группы—сѣвально-русскою и среднерусскою, имѣя въ виду существованіе еще третьей группы, соотвѣтствующей современной малорусской народности,—южнорусской. Нѣкоторыя звуковыя черты даютъ основаніе предполагать исконное сосѣдство южно-русской группы съ средне-русскою: сравните общее произношеніе *з* какъ придыхательной согласной въ мало-русскомъ, бѣло-русскомъ нарѣчіяхъ и въ южно-великорусскомъ поднарѣчьи. Мы видѣли выше, что нѣкогда группировка нарѣчій въ средней части Россіи была иная, чѣмъ теперь: вмѣсто одной—среднерусской группы мы находимъ теперь двѣ группы—западную (бѣлорусскую) и восточную, примкнувшую къ сѣвально-русской группѣ. Южнорусская или что то же—малорусская группа не утратила своего единства, но представляетъ въ настоящее время такую группировку говоровъ, которая не можетъ быть исконною: дѣйствительно, въ мѣстностяхъ, вновь колонизованныхъ малорусскимъ племенемъ,—въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской, Воронежской и другихъ наблюдаются такіе говоры, которымъ нѣтъ вполнѣ соотвѣтствующихъ на правомъ берегу Днѣпра, въ исконномъ мѣстожителствѣ малоруссовъ. Эти говоры объединены нѣкоторыми общими звуковыми чертами, свидѣтельствующими о существованіи особой восточно-украинской группы, имѣющей особое свое нарѣчіе; изслѣдователи указываютъ въ числѣ этихъ характерныхъ чертъ послѣдовательное употребленіе вмѣсто

исконныхъ *и* и *ы* такъ называемаго *и* средняго, отсутствіе отвердѣнія *р*, отсутствіе отвердѣнія *ж* мягкаго въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, постоянное смягченіе согласныхъ передъ звукомъ *і* изъ исконнаго *о* (*д'им*) и нѣкоторыя другія. Очевидно, звуковыя особенности восточно-украинскаго нарѣчія не могутъ быть новаго происхожденія: это нарѣчіе сложилось такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія. Теперь оно распространилось во вновь населенныхъ малоруссами областяхъ, но въ древности оно, очевидно, слышалось и въ мѣстахъ первоначальнаго ихъ поселенія. Слѣдовательно, въ древности размѣщеніе малорусскихъ нарѣчій было иное, чѣмъ теперь: всего вѣроятнѣе, что заселеніе Слободской Украйны и вообще степнаго пространства совершилось выходцами изъ южной части правобережной Украйны; поэтому современное восточно-украинское нарѣчіе слѣдуетъ признать южнымъ нарѣчіемъ сравнительно съ современнымъ западно-украинскимъ. Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что западно-украинское нарѣчіе представляетъ рядъ звуковыхъ чертъ, роднящихъ его съ сѣвально-малорусскимъ нарѣчіемъ: сравните отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго *р*, отвердѣніе, хотя и не постоянное, *ж* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, произношеніе *и* вмѣсто восточно-украинскаго средняго *и* и нѣкоторыя другія черты: представляя соединеніе сѣвально-малорусскихъ и южно-(а теперь восточно-) украинскихъ чертъ, западно-украинское нарѣчіе является переходнымъ нарѣчіемъ отъ южно-украинскаго къ сѣвально-малорусскому или, что вѣроятнѣе, это, по происхожденію своему—южно-украинское нарѣчіе, подвергшееся вліянію сосѣднихъ сѣвально-малорусскихъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ предыдущія разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, какъ о давнемъ сосѣдствѣ украинскаго и сѣвально-малорусскаго нарѣчій, такъ и о томъ, что южно-русская или малорусская группа исконно дѣлилась на двѣ вѣтви—сѣвальною и южною ¹⁾.

Повторю тѣ выводы, къ которымъ мы пришли на основаніи данныхъ современныхъ русскихъ говоровъ. Русскій языкъ еще въ доисторическое время распался на три группы говоровъ: сѣвально-русскую, средне-русскую и южно-русскую. Средне-русская группа состояла изъ двухъ вѣтвей—западной и восточной; южно-русская группа

¹⁾ Галицкіе и карпатскіе говоры, какъ увидимъ ниже, можно относить частью къ сѣвальной, частью къ южной вѣтви; собственно галицкое нарѣчіе, по происхожденію своему, принадлежитъ къ южной вѣтви, но оно испытало вліяніе говоровъ сѣвальной вѣтви.

дѣлилась на двѣ же вѣтви—сѣверную и южную. Съ теченіемъ времени западная вѣтвь средне-русской группы совершенно обособилась отъ восточной и легла въ основаніе современнаго бѣлорусскаго нарѣчія; напротивъ, восточная примкнула къ сѣверно-русской группѣ и вмѣстѣ съ ней составила великорусское нарѣчіе, сохранивъ впрочемъ свою индивидуальность въ видѣ южно-великорусскаго поднарѣчія. На югѣ съ теченіемъ времени произошло новое сближеніе южной вѣтви южно-русской группы съ сѣверною вѣтвью той же группы: въ результатѣ, кромѣ южныхъ и сѣверныхъ говоровъ, получился рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украинѣ, такъ и въ Галиціи; позже произошло выселеніе той части южной вѣтви, которая не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украину.

Сдѣланные выводы должны быть провѣрены и согласованы съ показаніями исторіи русскаго народа. Изученіе данныхъ о древнерусскихъ племенахъ, объ образованіи русскихъ областей, а затѣмъ государствъ подтверждаетъ вполне, какъ мнѣ кажется, тѣ результаты, къ которымъ приходитъ изслѣдователь языка. Рѣшаюсь поэтому предложить свои соображенія о взаимномъ отношеніи древнерусскихъ племенъ и объ образованіи русскихъ народностей.

Повѣсть временныхъ лѣтъ сохранила рядъ весьма цѣнныхъ указаній на расселеніе русскихъ племенъ и на взаимныя ихъ отношенія: сопоставленіе этихъ указаній съ нѣкоторыми данными, извлекаемыми изъ исторіи образованія древне-русскихъ княжествъ, позволитъ намъ затронуть вопросъ о болѣе крупныхъ дѣленіяхъ русскаго народа, замѣтныхъ, вѣроятно, и въ эпоху того племеннаго раздробленія, въ которомъ исторія застаётъ нашихъ предковъ. Описывая нравы и обычаи древнерусскихъ племенъ, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: „и радимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отци и предъ снохами“ и т. д. (описываются брачныя и погребальныя обычаи). Думаю, что это замѣчаніе лѣтописца свидѣтельствуетъ о принадлежности трехъ названныхъ племенъ къ одной группѣ. Близкое родство, сходство въ нравахъ и обычаяхъ сѣверянъ, радимичей и вятичей подтверждаются и тѣмъ, что впоследствии земли ихъ вошли въ составъ одной общей политической единицы. „Сѣверяне, радимичи и вятичи изображаются намъ (первоначальною лѣтописью)... чѣмъ то единымъ“, говоритъ историкъ сѣверской земли. „Я уже не говорю, продолжаетъ онъ, о послѣдующихъ фактахъ, которые вполне под-

тверждаютъ этотъ намекъ лѣтописца, когда, напримѣръ, сѣверяне, радимичи и вятичи всѣ вмѣстѣ входятъ въ составъ сѣверской земли ¹⁾“. Имѣя въ виду, что радимичи сидѣли на Сожѣ, лѣвомъ притока Днѣпра, то есть въ нынѣшней Могилевской губерніи, а что вятичи занимали верхнюю и отчасти среднюю Оку ²⁾, заключаемъ, что племенная группа, состоявшая изъ сѣверянъ, вятичей и радимичей, тождественна съ предположенною выше *средне-русской* племенной группой. Свидѣтельство современнаго языка доказываетъ, что средне-русская группа занимала обширное пространство отъ бассейна Нѣмана до бассейна Оки включительно, такъ какъ средне-русская звуковая черта—аканіе слышится какъ въ Гродненской, такъ и въ Рязанской губерніяхъ. Такое распространеніе средне-русской группы на западъ и востокъ стоитъ, думаю, въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ. съ одной стороны, объ отношеніи радимичей и вятичей къ западнымъ племенамъ, а съ другой стороны—о расселеніи сѣверянъ. Мы имѣемъ свидѣтельство двухъ лѣтописцевъ о происхожденіи радимичей и вятичей отъ рода ляховъ. Составитель Начальнаго свода ³⁾ говоритъ подъ 984 годомъ: „бѣша же радимичѣ отъ рода ляховъ; пришедше ту ся вселиша и платять дань Руси...“ (Новгородская 1-я лѣтопись, стр. 33) ⁴⁾. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ повѣствуетъ: „радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣхъ. Радимъ, а другий Вятко и пришедша сѣдоста Радимъ на Съю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи.“ Трудно предположить, чтобы въ этихъ свидѣтельствахъ не отразилось живое народное преданіе, основанное на дѣйствительной правдѣ. Но правда эта состояла не въ происхожденіи радимичей и вятичей отъ польскаго племени, а въ томъ, что

¹⁾ *Балалѣй*, Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, с. 118; ср. также с. 5 и сл. Неясно, что имѣлъ въ виду авторъ на с. 47, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что сѣверская земля сознавала въ значительной степени свое племенное единство съ полянами.

²⁾ *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 135; *Балалѣй*, I, с., стр. 14.

³⁾ Начальнымъ сводомъ я называю тотъ лѣтописный сводъ, который, въ позднѣйшемъ соединеніи съ новгородскою лѣтописью, дошелъ до насъ въ спискахъ (кромѣ Синодальнаго списка) Новгородской 1-й лѣтописи. Этотъ сводъ лежитъ въ основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ, дополнившей и расширившей его по другимъ источникамъ.

⁴⁾ Это мѣсто Начальнаго свода вошло и въ Повѣсть временныхъ лѣтъ (Давр. лѣт. с. 82).

нѣкогда они сидѣли западнѣе того, гдѣ застаютъ ихъ исторія и при томъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ ляхами; весьма вѣроятно, что близость эта была настолько тѣсной, что съ одной стороны вызвала преданіе о соплеменности ихъ съ ляхами, а съ другой имѣла слѣдствіемъ появленіе въ языкѣ ихъ нѣкоторыхъ, общихъ съ польскими говорами звуковыхъ чертъ: дзеканіе и цеканіе въ современной Могилевской губерніи могутъ быть результатомъ тѣснаго общенія радимичей съ польскими племенами. Свидѣтельство лѣтописи о движеніи радимичей и вятичей съ запада на востокъ можетъ подтверждаться и тѣмъ, что среди вятичей, въ мѣстности близъ рѣки Протвы, праваго притока рѣки Москвы, въ XII вѣкѣ жилъ литовскій народецъ Голядь: Барсовъ остроумно объясняетъ появленіе этой литовской вѣтви такъ далеко на востокѣ предположеніемъ, что Голядь могла быть оторвана „отъ массы литовскаго племени“ движеніемъ съ запада славянскихъ племенъ—вятичей и радимичей¹⁾. Допустивъ такимъ образомъ движеніе западной вѣтви средне-русскаго племени къ востоку, мы, во-первыхъ, должны признать радимичей и вятичей отраслью западной вѣтви средне-русскаго племени, въ противоположность къ сѣверянамъ—восточной вѣтви того же племени, во-вторыхъ, должны заключить о соплеменности радимичей и вятичей съ западными сосѣдами ихъ, которыхъ лѣтопись называетъ дреговичами. Мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ, указывающихъ на сосѣдство радимичей съ дреговичами, но указаніе Барсова, принятое и Багалѣемъ²⁾, на то, что радимичи сосѣдили съ запада съ кривичами, я считаю ошибочнымъ: оно основывается на смѣшеніи понятія о племенахъ съ понятіемъ о княжествахъ; изъ того, что Минскъ въ началѣ XII вѣка былъ городомъ полоцкаго княжества отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ немъ жили кривичи, въ землѣ которыхъ, по свидѣтельству лѣтописи, находился Полоцкъ. Полоцкое княжество обнимало не только кривичскія земли, но и дреговичскія, какъ это ясно изъ категорическаго утвержденія лѣтописи о томъ, что мѣстность между Припетью и Двиною была населена дреговичами (Лавр. стр. 5). Косвеннымъ указаніемъ на прямое сосѣдство дреговичей (полоцкихъ) съ радимичами могутъ служить на-

¹⁾ Очерки русской исторической географіи, с. 39, 43—44.

²⁾ Очерки русской исторической географіи, с. 124. Исторія сѣверской земли, с. 14.—Голубовскій, въ Исторіи смоленской земли до начала XV вѣка, с. 44—45, высказываетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрное мнѣніе о разселеніи дреговичей и принимаетъ, что они дѣйствительно занимали область отъ Припети до самой Двины.

званія рѣки Дрьютъ и города Дрьютскъ (въ восточной части Полоцкаго княжества): написаніе дрьгютескъ въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1116 годомъ (изд., стр. 203, прим.) свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначальными формами этихъ названій могли быть Дрьгуть, Дрьгутьскъ (ср. Любутскъ), а это ясно указываетъ на связь ихъ съ дреговичами (такое написаніе, съ ъ, ср. въ Троицк. сп., изд. Лавр. лѣт. стр. 10, прим. 16, въ Ипат. сп. дьрговичи, изд. стр. 6)¹⁾. Признавъ такимъ образомъ дреговичей западными сосѣдами радимичей, мы въ правѣ заключать о ихъ соплеменности съ ними: это подтверждается какъ тѣмъ соображеніемъ, что радимичи пришли съ запада, съ лясской окраины, съ которою несомнѣнно сосѣдили дреговичи, такъ въ особенннсти тѣмъ обстоятельствомъ, что на западъ отъ древнихъ поселеній радимичей нельзя указать діалектической границы въ предѣлахъ, занимаемыхъ русскими говорами: бѣлорусское нарѣчіе тянется на западъ вплоть до мазовецкихъ говоровъ. Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ границахъ средне-русской племенной группы, а пока ограничиваюсь выводомъ, что къ западной вѣтви этой группы, кромѣ вятичей и радимичей, должно отнести и дреговичей. Восточная вѣтвь средне-русскаго племени—сѣверяне сидѣли, по свидѣтельству лѣтописи, по Деснѣ, по Семи (Сейму) и по Сулѣ, то есть по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, занимая такимъ образомъ бассейнъ Десны въ Черниговской, бассейнъ Сейма въ Куреккой и бассейнъ Сулы въ Полтавской губерніяхъ. Но лѣтописецъ, очевидно, ограничился указаніемъ лишь тѣхъ мѣстностей, занятыхъ сѣверянами, которыя прилегали къ западной границѣ ихъ—къ Днѣпру. Сѣверныя границы сѣверскихъ поселеній выясняются сами собой, такъ какъ онѣ опредѣляются данными о поселеніяхъ радимичей и вятичей; но южныя и восточныя границы сѣверянъ лѣтописцемъ не указаны. Профессоръ Багалѣй собралъ цѣлый рядъ указаній на колонизаціонное движеніе сѣверянъ на югъ и юго-востокъ, движеніе, до-

¹⁾ Дрьгуть по звуковымъ законамъ древняго языка должно было перейти въ Др'чуть (р'—мягкое р'); ср. выпаденіе ъ въ ксати, ъ въ др.-русск. кровавый; подъ влияніемъ мягкаго р должно было смягчиться г; ср. измѣненіе х въ х' подъ влияніемъ предшествующаго р' въ верхъ (уже въ древнерусскихъ памятникахъ XV вѣка); такъ явилось Др'чуть или (при произношеніи г какъ придыхательной согласной) Др'чуть, откуда Дрютъ (совр. и древнее Дрюць). Рядомъ существовало и Дрегутъ, какъ при ксати — крестити, откуда подъ влияніемъ Дрютъ—Дреютъ (др.-русск. Дреютескъ).

ходившее до Дона (Сѣверскаго, какъ онъ назывался въ старину) и Дона. До него Барсовъ высказалъ предположеніе, что въ X и началѣ XI вѣка русскимъ центромъ сѣверской земли служила отдаленная Тмутаракань на Таманскомъ полуостровѣ. Это смѣлое предположеніе во всякомъ случаѣ основано на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ XI вѣкѣ Тмутаракань тянула къ сѣверской земли и очевидно была заселена сѣверянами: связь съ Тмутараканью не забыта сѣверскими князьями еще въ концѣ XII вѣка (Слово о полку Игоревѣ), а въ списокѣ городовъ, восходящемъ къ XV вѣку, въ черниговскомъ княжествѣ указывается Тмуторокань Остречьскій, то есть на Острѣ, притокѣ Десны¹⁾. Для насъ, въ вопросѣ о расселеніи сѣверянъ, особенно важно рѣшить, какъ колонизована рязанская земля, тѣсно связанная съ сѣверскою, начиная съ XI вѣка. Несомнѣнно, что нѣкогда бассейнъ Оки былъ занятъ финскими племенами; но въ XI вѣкѣ верхнее теченіе Оки, какъ мы видѣли, принадлежало уже русскому племени вятичей, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу этого же вѣка въ рязанской землѣ строятся города — Рязань, Переяславль Рязанскій, Пронскъ. Заселеніе средняго и нижняго теченія Оки принадлежало, по мнѣнію Багалѣя и другихъ изслѣдователей, тѣмъ же вятичамъ, которые заняли раньше верхнее ея теченіе. „Главными дѣятелями въ этой мирной колонизаціи, говоритъ историкъ, были конечно, вятичи; этимъ только и можно объяснить тѣсную связь муромо-рязанской земли съ сѣверскою.“ П. Н. Милюковъ допускаетъ возможность двухъ потоковъ колонизаціи, направлявшейся въ среднее Поволжье и рязанскую землю: одинъ шелъ изъ новгородской области внизъ по Волгѣ; другой изъ смоленской области кривичей и изъ вятичской области (Калужской губерніи) внизъ по Окѣ²⁾. Почтенный изслѣдователь, указывая въ другомъ мѣстѣ на тѣсную связь Рязани съ сѣверской землей, находитъ однако, что „не только племена южной Руси, но даже и сосѣдніе вятичи не принимали, повидимому почти никакого участія въ заселеніи пространства между Окой и Волгой. По нѣкоторымъ признакамъ главное колонизаціонное движеніе въ эту область шло прямо съ запада, изъ смоленской области кривичей“³⁾. Мнѣ кажется, что дѣйствительно въ колонизаціи средняго Поволжья

надо различать два теченія: одно изъ нихъ шло съ сѣверо-востока по Волгѣ и, конечно, принадлежало кривичамъ — смоленскимъ ли, или новгородскимъ, но во всякомъ случаѣ сѣверно-русскому племени; другое теченіе принадлежало средне-русскому племени, какъ это ясно изъ того, что до сихъ поръ въ при-окской области пролегаетъ діалектическая граница сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Но мнѣ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы заселеніе рязанскаго края принадлежало изъ средне-русскихъ племенъ исключительно вятичамъ. Въ XII и началѣ XIII вѣка мы встрѣчаемъ въ рязанской землѣ цѣлый рядъ городовъ по Окѣ и ея притокамъ Осетру и Прони, между тѣмъ по верхнему теченію самой Оки, издавна заселенному вятичами, не находимъ ни одного города, а на притокахъ ея здѣсь извѣстны лишь значительные города, каковы Лопасня и Козельскъ. Невѣроятно поэтому допустить, чтобы вятичи, племя совершенно некультурное еще въ началѣ XII вѣка (ср. извѣстія о принятіи ими христіанства въ позднее время, а также о войнахъ съ русскими князьями въ концѣ XI вѣка), — могли быть строителями городовъ и цивилизаторами рязанскаго края. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе основаній можно привести въ пользу предположенія, что рязанская земля заселена сѣверянами. Путь къ среднему Поволжью пролегалъ не „сквозь Вятичи“, а по Дону и его сѣвернымъ притокамъ. Изслѣдованія нашихъ историковъ, основанныя между прочимъ на извѣстіяхъ арабовъ, показали, что „въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до кавказскаго хребта, славяне составляли не только значительную часть городского населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сельское населеніе... Самый Донъ у многихъ мусульманскихъ писателей, вообще хорошо знакомыхъ съ восточными окраинами Европейской Россіи, называется славянскою рѣкою“¹⁾. Паденіе хазарскаго царства, появленіе печенѣговъ и половцевъ въ южныхъ степяхъ Россіи имѣли слѣдствіемъ вытѣсеніе русскаго населенія изъ бассейновъ Дона и Донца; оно должно было также покинуть Тмутаракань, постоянная связь которой съ Черниговомъ „могла основываться только на племенномъ или земельномъ сродствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья и заставляетъ видѣть въ славян-

¹⁾ Приложение въ Новгородской 1-й лѣтописи по Комисс. сп. XV вѣка (изданіе, с. 447); ср. Багалѣй, Исторія сѣверской земли с. 28.

²⁾ Очерки по исторіи русской культуры (3-е изд.), с. 47.

³⁾ Энци. слов. Брокг. и Ефр. (1895 года) подъ сл. Колонизація Россіи.

¹⁾ Барсовъ, Очерки русск. ист. геогр. 149, 150; Багалѣй, 1. с., с. 24—28, 132—134.

скомъ населеніи этого края развитіе сѣверянъ¹⁾. Мнѣ кажется вполне вѣроятнымъ предположить, что удары кочевниковъ заставили сѣверянъ удалиться къ сѣверу: путь вверхъ по Дону приводитъ ихъ въ при-окскую область, гдѣ они основываютъ города, прямо указывающіе своими названіями, что мы имѣемъ дѣло съ сѣверскими поселеніями: ср. Переяславль рязанскій на Трубежѣ, основанный въ 1095 году, съ Переяславлемъ южнымъ на Трубежѣ, притокѣ Днѣпра. Не отриная возможности колонизаціи рязанскаго края съ запада, изъ земли вятичей, я думаю, что главное колонизаціонное движеніе шло съ юга и принадлежало восточной вѣтви средне-русскаго племени сѣверянамъ. Весьма важны при этомъ указанія языка: нельзя сомнѣваться въ существованіи въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ по крайней мѣрѣ двухъ типовъ; одни говоры по своимъ звуковымъ особенностямъ стоятъ къ говорамъ бѣлорусскимъ ближе, чѣмъ другіе, раздѣляя съ ними, напримѣръ, такія явленія, какъ сохраненіе *ы* подъ удареніемъ въ положеніи передъ *и* (мѣй) или переносъ *и* въ *э* (аднѣй, непосредственно изъ аднѣй). Рязанскіе говоры принадлежатъ къ наиболѣе отдаленнымъ по звуковымъ признакамъ отъ бѣлорусскихъ; напротивъ, въ области вятичей—въ современной Калужской губерніи, даже въ восточныхъ ея уѣздахъ, находимъ говоры, мало отличающіеся отъ бѣлорусскихъ и, повидимому, даже дзеканшіе не въ очень отдаленное время²⁾. Все это заставляетъ насъ отнести рязанскіе говоры къ восточной, а калужскіе и сосѣдніе съ ними къ западной вѣтви средне-русскаго племени; но отсюда неизбѣженъ выводъ, что Рязань заселена восточными средне-руссами, то-есть сѣверянами, а Калужская губернія западными средне-руссами, то-есть вятичами.

Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о колонизаціонномъ движеніи средне-русскихъ племенъ, а пока останавлиюсь на выводѣ, что къ XII вѣку вся средняя Россія и юго-востокъ ея были заняты род-

¹⁾ Барсовъ, 1. с., с. 151. Особенно важны указанія Срезневскаго въ его статьѣ „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.“ (Изв. II отд. И. А. Н., т. VIII, с. 313 и сл.): онъ доказалъ, что уже въ XII в. притоки Дона носятъ русскія названія: Воронежъ, Быстрая Сосна; ср. также притоки Дона: Сальница, Осоль. Въ XIV—XV в. встрѣчаемъ названія: Тихая Сосна, Меча, Труды, Черленый Яръ, Хоперь, Медвѣдица, Иювля. Очевидно, начало ихъ восходитъ къ глубокой древности, когда по берегамъ этихъ рѣкъ жило русское население.

²⁾ Ср. произношеніе зли вм. для въ современномъ мещовскомъ говорѣ.

ственными между собою племенами дреговичей, радимичей, вятичей на западѣ, сѣверянъ—на востокѣ.

Къ сѣверу отъ средне-русскаго племеннаго союза простирались земли, занятыя группою племенъ сѣверно-русскихъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ и Начальный сводъ даютъ весьма цѣнныя данныя для опредѣленія состава этой группы. Они начинаютъ историческое повѣствованіе съ эпохи образованія сѣверно-русскаго политическаго союза: въ него вошли русскія племена славянъ новгородскихъ и кривичей, а также финскія племена: Меря (съ городомъ Ростовомъ), Вель (на Бѣлѣ озерѣ), Муромъ (въ Муромѣ) и, наконецъ, Чудь. Господствующими элементами въ этомъ союзѣ были, конечно, русскія племена: финны были втянуты въ него русскими, что ясно доказываетъ, какъ далеко на финскій востокъ и сѣверъ зашла уже въ IX вѣкѣ (или можетъ быть нѣсколько раньше) славянская колонизація. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Костомарова и Корсакова, что, напримѣръ, „Меря“ въ устахъ лѣтописца было географическимъ терминомъ, подъ которымъ „нельзя разумѣть исключительно только чуждскихъ „населенниковъ“, аборигеновъ земли, а слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, славянскихъ „находниковъ“¹⁾. Изъ лѣтописнаго разказа о призваніи князей ясно, слѣдовательно, что кривичи входили въ составъ сѣверно-русскаго политическаго союза; но были ли они сѣверно-русскимъ племенемъ, близкимъ къ новгородскимъ славянамъ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается цѣлымъ рядомъ соображеній: 1) Полоцкъ, по указанію лѣтописи, населенъ кривичами: сомнительно, чтобы уже въ IX или X вѣкѣ такъ далеко на сѣверѣ заходили средне-русскія поселенія; 2) въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ сохранилось извѣстіе, что Изборскъ, находящійся еще сѣвернѣе Полоцка, былъ городомъ кривичей: вѣроятно здѣсь, равно какъ впоследствии во Псковѣ (въ первые вѣка его существованія), жило население соплеменное съ новгородцами, вѣроятно именно потому, что Псковъ былъ сначала новгородскимъ пригородомъ; 3) въ Воскресенской лѣтописи подъ 1471 годомъ приведена рѣчь сторонниковъ московскаго князя на новгородскомъ вѣчѣ, гдѣ Бѣлозерская Вель названа Кривичскою²⁾; 4) названіемъ Creews ла-

¹⁾ Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, с. 49.

²⁾ „Потомъ же правнукъ его князь Владимиръ крестися и всѣ земли наши рости: Рускую, и нашу Словѣнскую, и Мерску и Кривичскую Вель, реще, Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи“ (П. С. Р. Л. VIII, 160). Сомнительно, чтобы рѣчь Кривичску слѣдовало поставить запятую, какъ предлагаетъ Борзаковскій Исторіи Тверскаго княжества: непонятно будетъ слѣдующее „реще“.

тыши до сихъ поръ называютъ всѣхъ русскихъ: едва ли это не указываетъ на то, что все русское население сѣвера Руси было кривичскимъ; 5) невѣроятно, чтобы заселение средняго Поволжья (Суздальской области) совершилось новгородскими славянами: напротивъ, колонизация его кривичами вѣроятна потому, что именно имъ принадлежали верховья Волги (кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги... Лавр. 10); но суздальская область, равно какъ и сосѣднія земли ярославскія, костромскія и т. д., были населены несомнѣнно сѣвернорусскимъ племенемъ (окающимъ, а не акающимъ); слѣдовательно, кривичи были сѣверноруссами. Отмѣчу еще, что до насъ дошло прямое указаніе на связь смоленской земли, принадлежавшей нѣкогда кривичамъ, съ суздальскою областю; въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1151 г. читаемъ: „Суждали залѣская дань, аже воротитъ Гюрги, а что будетъ въ ней, изъ того Святой Богородици десятина“. Существованіе такой дани, какъ это уже отмѣчено нашими историками¹⁾, доказываетъ древнее подчиненіе Суздаля или нѣкоторыхъ изъ суздальскихъ владѣній Смоленску, подчиненіе, едва ли не объясняемое тѣмъ, что русскіе поселенцы въ область Мери шли изъ земли Кривичей. Противъ высказаннаго предположенія о томъ, что кривичи были племенемъ сѣвернорусскимъ и, какъ таковое, вошли въ составъ *сѣвернорусскаго* политическаго союза, говоритъ какъ будто то обстоятельство, что Смоленскъ, находившійся, по свидѣтельству Повѣсти вр. лѣтъ, въ странѣ кривичей, не названъ въ числѣ городовъ, розданныхъ Рюрикомъ своимъ мужамъ, при чемъ завоввать его пришлось уже Олегу. Кажется, что въ этомъ обстоятельстве мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя въ историческое время совершенно видоизмѣнили племенной характеръ древней Руси. Смоленская область, если не вся, то въ известной части, была заселена кривичами, но самый Смоленскъ не былъ ихъ племеннымъ центромъ, а тянулъ въ политическомъ отношеніи къ другой области: не находя упоминанія Смоленска въ договорѣ Олега съ греками (гдѣ названы: Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ)²⁾, мы въ правѣ думать, что Смоленскъ находился въ зависимости отъ одного изъ большихъ городовъ древней Руси. Всего вѣроятнѣе предположить прямую зависимость его отъ

¹⁾ Ср. *Бяляевъ*, Какъ образовалось великорусское племя (Изв. антроп. отд. общ. любит. естествозн. I, М. 1865) и др.

²⁾ Въ Тверской и Львовской лѣтописяхъ вставленъ, очевидно, по соображеніямъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и Смоленскъ.

Кіева: „кто владѣеть Смоленскомъ, замѣчаетъ Вестужевъ-Рюминъ, тотъ требуетъ Кіева“¹⁾. Обратное, владѣніе Кіевомъ обусловливало, въ особенности въ древнѣйшую эпоху нашей исторіи, зависимость отъ него Смоленска. Взятіемъ Смоленска начался походъ Олега на югъ и покореніе Кіева; въ XI вѣкѣ Смоленскъ тянетъ прямо къ южнымъ городамъ, и послѣ смерти Игоря Ярославича князья Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій дѣлятъ Смоленскъ въ 1057 году на три части. Позднѣйшія данныя убѣдили историка Смоленской земли въ томъ, что, при выступленіи Смоленскаго княжества на политическую сцену, замѣчалось этнографическое различіе двухъ его половинъ—сѣверо-восточной и юго-западной²⁾. Такимъ образомъ не только зависимость отъ Кіева, но и возможность столкновенія сѣвернорусскихъ кривичей съ средне-русскими радимичами, земли которыхъ вошли въ составъ смоленскаго княжества³⁾, могли имѣть слѣдствиемъ недобровольное присоединеніе Смоленска къ сѣвернорусскому союзу, представленному Игоремъ и Олегомъ. Замѣчательно, что радимичи, послѣ вторичнаго покоренія ихъ Владимиромъ Святославичемъ, были обложены данью въ пользу Кіева (Русь)⁴⁾.

Опредѣливъ такимъ образомъ составъ сѣвернорусской племенной группы двумя названными въ нашихъ источникахъ племенами—славянами новгородскими и кривичами, переходимъ къ третьей племенной группѣ—южно-русской. Къ ней принадлежали племена, сидѣвшія на западъ и югъ отъ средне-русской группы, на западъ отъ сѣверянъ, на югъ отъ дреговичей. Приблизительныя границы на сѣверѣ опредѣлялись теченіемъ Припети (впрочемъ, какъ увидимъ ниже, южно-руссы перешли ее еще въ доисторическую эпоху); восточною границей былъ Днѣпръ, который южно-руссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка. Южныя и западныя границы подвергались значительнымъ колебаніямъ, которыя мы рассмотримъ ниже въ самыхъ общихъ чертахъ. Я указалъ основаніе, почему признаю соплеменность дреговичей, радимичей, вятичей и сѣверянъ: это общія звуковыя черты, простирающіяся отъ бассейна рѣки Нѣмана и до бассейна средняго теченія рѣки Оки; равнымъ образомъ соплеменность кривичей, поселенцевъ верхняго и средняго Поволжья, и славянъ новгородскихъ доказывается общностью языка Новгорода и Влади-

¹⁾ Русск. ист. I, 146.

²⁾ *Голубовскій*, с. 86.

³⁾ *Голубовскій*, с. 51 и т. д.

⁴⁾ Лавр. подъ 484 г.: „и платятъ дань Руси; повозъ везутъ и до сего дне“.

мира или Ярославля. Подобное же основание можно привести для утверждения одноплеменности тѣхъ народцевъ, которые исторія застаётъ на юго-западѣ Россіи: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время; мы должны признать ихъ такими же первоначальными поселенцами Россіи, какъ признали кривичей или вятичей. Но малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣлствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ. Вотъ основание, почему мы должны признать единоплеменность полянъ, древлянъ, волынянъ, тиверцевъ, хорватовъ и другихъ южныхъ племенъ, о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что территория, занятая малорусскимъ племенемъ, испытала въ историческое время не одинаковую на всемъ своемъ протяженіи судьбу: когда, послѣ татарскаго погрома, разрушившаго русскія поселенія лѣваго берега Днѣпра, южно-руссы стали лицомъ къ лицу со степью, та часть ихъ территории, которая была доступна степнякамъ, испытала бѣдствія, мало коснувшіяся лѣсной мѣстности, куда не могла проникать татарская конница. Такимъ образомъ позднѣйшая исторія различно отразилась на жителяхъ лѣсовъ—полѣховъ, и на жителяхъ открытыхъ мѣстностей. Изученіе современныхъ мало-русскихъ говоровъ открываетъ рѣзкія отличія между сѣверно-малорусскими, обнимающими лѣсное пространство—Полѣсье, и южно-малорусскими или украинскими говорами. Но отличія эти существовали, вѣроятно, и раньше татаръ: южно-руссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя—къ югу. Вотъ почему я принимаю исконное дѣленіе южно-русской группы на вѣтви—сѣверную и южную. Но границы между обѣими вѣтвями, хотя и обусловленныя природою страны, не могли быть постоянными въ древнюю эпоху: наша исторія начинается одновременно съ появленіемъ въ южно-русскихъ степяхъ различныхъ тюркскихъ ордъ, грозныхъ предвѣстницъ татарскаго нашествія. Русскія племена, занимавшія степныя пространства, должны уступить ихъ печенѣгамъ и половцамъ: мы видѣли, что средне-русскіе сѣверяне въ X и XI вѣкѣхъ были вытѣснены съ береговъ Дона и Днѣпра и удалились въ при-окскую страну; несомнѣнно, что удары степняковъ повліяли и на южныя племена южно-русской группы: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя. Лѣтопись сохранила воспоминанія о нѣ-

которыхъ изъ такихъ столкновеній: въ числѣ южно-русскихъ племенъ Повѣсть временныхъ дѣлъ называетъ дулѣбовъ. Она говоритъ о нихъ не только какъ о древнемъ племени, нѣкогда покоренномъ аварами, но также какъ о племени, существовавшемъ еще въ X вѣкѣ: въ походѣ Олега на Царьградъ участвуютъ, наряду съ древлянами, радимичами и проч., дулѣбы¹⁾. Лѣтопись опредѣляетъ и мѣсто ихъ жительства: „дулѣбы живяху по Богу“²⁾, „гдѣ нынѣ вельняне“, прибавляетъ неожиданно лѣтописецъ. Впрочемъ, это замѣчаніе не стоитъ одиноко: его слѣдуетъ сопоставить съ читаемымъ нѣсколько выше указаніемъ на то, что вольняне позже другихъ племенъ русскихъ появились на Руси, разумѣя подъ послѣднимъ терминомъ политическую единицу, подчиненную русскимъ князьямъ. „Се бо токмо Словѣнскъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородци, Полочане, Дреговичи, Сѣверь, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Вельняне“: такъ говоритъ лѣтописецъ, и мы не имѣемъ основанія подумывать послѣ словъ „послѣже же“ слово „назвашася“, какъ поправилъ это мѣсто лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, или „прозвашася“, какъ читаетъ Тверская лѣтопись.

Итакъ, вольняне заняли территорию дулѣбовъ, жившихъ по Южному Бугу, вѣроятно не ранѣе IX вѣка. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніи на то, что сѣверное племя дулѣбовъ вытѣснено южнымъ племенемъ вольнянъ, оставившимъ черноморскія степи? Если это такъ, то движеніе это слѣдуетъ сопоставить съ сохранившимися въ лѣтописи извѣстіями о передвиженіи уличей и тиверцевъ. По свидѣтельству Начальнаго свода, уличи сидѣли внизъ по Днѣпру, а потомъ они перешли въ мѣстность между Южнымъ Бугомъ (Богъ) и Днѣстромъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ въ первоначальной своей редакціи, какъ можно предполагать, говорила о жительствѣ тиверцевъ и уличей такъ: „а оуличи и тиверци присѣдаху къ Дунаеву и бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Богу и по Днѣстру оли до моря“³⁾ и т. д.

¹⁾ Лавр. подъ 907 г. (изд., стр. 29).

²⁾ Такъ въ Лавр. сл. (изд., стр. 29, прим.); кажется, Богъ преимущественно означалъ Южный Бугъ, а Бугъ—Западный.

³⁾ Въ Лавр., вслѣдствіе написанія Богу какъ бу (подъ титломъ), явилось неправильное чтеніе: „а улочи, тиверци сѣдаху бо по Днѣстру, присѣдаху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдаху бо по Днѣстру оли до моря“. Въ Ипат., Радзив. и Авад. сокращено: „а улочи и тиверци сѣдаху по Бугу и по Днѣпру“, но въ Переяслав.: „сѣдаху по Боугу и Днѣстроу и до Доунаа, и бѣ множество ихъ и до моря“. Въ Софійск. и сходныхъ сп. близко къ предполагаемой редакціи „присѣдаху къ Дунаеву; и бѣ множество ихъ сѣдаху по Днѣстру олцы до моря“.

Очевидно, южные племена получили толчокъ съ востока, заставившій ихъ оставить Приднѣпровіе и сосредоточиться въ такъ называемомъ Побережьѣ, древнемъ Позимовьѣ (мѣстность между Бугомъ и Днѣстромъ). Весьма вѣроятно, что такое движеніе уличей (о нихъ однихъ говоритъ Начальный сводъ) повліяло на движеніе волынянъ къ сѣверу, въ страну дулѣбовъ. Сходное мнѣніе высказано и г. Андриашевымъ въ „Очеркъ исторіи волынской земли“, гдѣ предположено, что распространеніе волынянъ къ сѣверу вызвано давленіемъ сильныхъ племенъ уличей и тиверцевъ, занимавшихъ страну къ югу отъ Волыни (стр. 27), но г. Андриашевъ ошибочно отождествляетъ дулѣбовъ съ волынянами и бужанами (стр. 28). Мы находимъ у этого историка весьма любопытныя соображенія о столкновеніи волынянъ съ древлянами и дреговичами и думаемъ, что въ общемъ онъ далъ намъ вѣрную картину той борьбы, которая происходила между южными племенами въ бассейнахъ Днѣпра и обоихъ Буговъ. Но нѣкоторыя частныя его замѣчанія могутъ вызвать возраженія: такъ, напримѣръ, мнѣ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы уличи и тиверцы въ поступательномъ движеніи своемъ къ сѣверу заняли часть позднѣйшей Кіевщины, населенной древлянами и уже пронизанной во всѣхъ направленіяхъ волынянами (стр. 37). Внимательное отношеніе къ этнографическимъ даннымъ нашей лѣтописи указываетъ, во-первыхъ, на то, что уличи и тиверцы могли распространяться на сѣверъ только въ болѣе западномъ направленіи, во-вторыхъ, на то, что въ столкновеніи южно-русскихъ племенъ принимали участіе не только древляне и волыняне, уличи и тиверцы, но также дулѣбы и бужане, которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя отождествить съ волынянами. Соображая все это, я думаю, что сѣверныя племена были оттѣснены южными съ двухъ сторонъ: сначала, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ: древлянъ они вытѣснили изъ Погорыни, чѣмъ и объясняется, по вѣрному замѣчанію Андриашева, упорная борьба изъ за этой области между кіевскими и волынскими князьями, дулѣбовъ же они частью ассимилировали себѣ, а частью оттѣснили къ сѣверу: вѣроятно, это движеніе дулѣбовъ къ сѣверу имѣло слѣдствіемъ столкновеніе съ ятвягами и оттѣсненіе этого племени къ сѣверо-западу. Ранняя связь ятвяговъ „съ вновь возникшимъ русскимъ государствомъ“ (походы 983 и 1038 г.), говоритъ Барсовъ, „приводить къ мысли, что въ эпоху начальной лѣтописи они жили гораздо южнѣе, гораздо ближе къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ и къ

русскимъ предѣламъ“¹⁾. Въ настоящее время въ Подляшии, гдѣ, по всей вѣроятности, жили нѣкогда ятвяги²⁾, находится сплошное русское населеніе. Языкъ показываетъ, что это—сѣверные малоруссы, близкіе, но однако не тождественные въ діалектическомъ отношеніи къ восточнымъ или точнѣе юго-восточнымъ своимъ сосѣдямъ—полѣхамъ. Очевидно, южно-русскія племена продвинулись въ Гродненскую и Сѣдлецкую губерніи уже въ историческое время, при чемъ туда пришли, можетъ быть, именно бужане и дулѣбы, тѣсняемые съ юга волынянами: по указанію Костомарова, въ Гродненской губерніи есть селеніе Дулебы; это же названіе встрѣчаемъ на югѣ Минской губерніи (въ Игуменскомъ уѣздѣ), что также можетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ далеко должны были пройти къ сѣверу сѣверно-малорусскія племена, отстывая передъ напоромъ южныхъ. Для доказательства этнографической связи населенія, захватившаго къ XI вѣку сѣверную часть Припетскаго бассейна, гдѣ раньше, согласно преданію, занесенному въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, и согласно показанію позднѣйшихъ лѣтописей, жили дреговичи, весьма важно по указанію Туровское и Пинское княжества, нѣкогда тянувшія къ Полоцку³⁾, съ XI вѣка соединены съ Кіевскою землею. Равнымъ образомъ любопытно, что Берестейская земля (то-есть, часть Подляшья) сперва принадлежала кіевскому княжеству, а въ половинѣ XII столѣтія перешла въ руки волынскихъ князей⁴⁾: это можно объяснить такъ, что вторженіе волынянъ оторвало бужанъ отъ соплеменнаго имъ населенія Кіевской области. Указаніе на поступательное движеніе данныхъ изверу южно-русскихъ племенъ даютъ и археологическія данныя: изслѣдованія Завитневича показали, что южный берегъ Припети былъ заселенъ смѣшаннымъ населеніемъ, древлянско-дреговичскимъ, какъ его опредѣляетъ почтенный ученый, основывающій свои заключенія на погребальныхъ типахъ. Повидимому, это обстоятельство доказываетъ, что первоначально область дреговичей простиралась и на югъ отъ Припети, при чемъ впоследствии они были разрѣжены здѣсь драв-

¹⁾ Барсовъ, Очерки русской исторической географіи, стр. 39; Андриашевъ, 1. с., стр. 118.

²⁾ Учебный атласъ по русской исторіи Замысловскаго помѣщаетъ ятвяговъ въ западной части Гродненской губерніи.

³⁾ Ср. извѣстіе о томъ, что Рогволодъ княжилъ въ Полоцкѣ, а Туры въ Туровѣ, „отъ него же и Туровци прозвашася“ (Лавр., стр. 74).

⁴⁾ Андриашевъ, Очерки исторіи волынской земли, стр. 46.

лянами ¹⁾). Язык этой мѣстности, то-есть, Мозырскаго и Пинскаго уѣздовъ, представляетъ до сихъ поръ пеструю смѣсь средне-русскихъ акающихъ (дреговичскихъ) и малорусскихъ (древлянскихъ) говоровъ. Признавъ такимъ образомъ несомнѣннымъ поступательное движеніе къ сѣверу племенъ южно-русскихъ и поставивъ его въ связь со вторженіемъ воляннъ въ область древлянъ, дулѣбовъ и бужанъ, обращаемся къ сходному движенію и на западѣ территории, издревле занятой южно-русскою племенной группой. Первоначально, центромъ Галицкой области былъ Перемышль, расположенный на Сагѣ, притокѣ Вислы: это былъ городъ хорватовъ, зависѣвшихъ отъ киевскаго князя. Но въ концѣ XI вѣка рядомъ съ Перемышлемъ видимъ на юго-западѣ самостоятельный удѣлъ Теревольскій, а въ срединѣ XII вѣка политическій центръ Червоной Руси переносится съ сѣвера на югъ—въ бассейнъ Днѣстра: Галичь, о которомъ, до второй четверти XII вѣка, совершенно умалчиваютъ лѣтописи, становится стольнымъ городомъ самостоятельнаго княжества, проявляющаго въ борьбѣ съ киевскимъ княземъ такое могущество, о которомъ несчастный Василько въ концѣ XI вѣка могъ еще только мечтать. Мнѣ кажется, что этотъ ростъ Галицкой области, равно какъ перенесеніе политическаго центра съ сѣвера на югъ, должно объяснять поступательнымъ движеніемъ тиверцевъ и уличей въ область хорватовъ. Замѣчательно, что Перемышль, отошедшій въ 1071 году къ Польшѣ, отвоевывается не киевскимъ или волынскимъ княземъ, а князьями-изгоями, сыновьями Ростислава Владимировича. Очевидно, они опирались на силы какого-то племени, не входившаго въ составъ тѣхъ княжествъ, на которыя эти изгои, вслѣдствіе родовыхъ отношеній, утратили всякое право: но къ концу XI вѣка изъ русскихъ племенъ таковыми могли быть только тиверцы и уличи, сидѣвшіе, по ясному свидѣтельству лѣтописей, между Богомъ и Днѣстромъ. Итакъ, Ростиславичи, принятые этими племенами, а можетъ быть однимъ изъ этихъ племенъ (тиверцами), содѣйствовали какъ этнографическому ихъ распространенію (захватъ Перемышля), такъ и политическому возвышенію (созданіе Теревольскаго княжества); уже при сынѣ Володаря Ростиславича—Владимирѣ древнія поселенія тиверцевъ и вновь присоединенная къ русскимъ владѣніямъ перемышльская земля объединяются подъ властью одного князя и тянутъ къ Галичу, несомнѣнно находившемуся въ области тиверцевъ. Итакъ, на западѣ малорусской

¹⁾ Грушевскій, Очеркъ исторіи Киевской земли.

территоріи имѣло мѣсто явленіе сходное съ тѣмъ, которое мы прослѣдили на востокѣ: южное племя тиверцевъ двигается въ область сѣвернаго племени хорватовъ; частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительствова и углубляются въ Карпаты. Такое предположеніе о смѣшанномъ характерѣ населенія современной Галиціи находитъ полное подтвержденіе въ данныхъ языка: во-первыхъ, мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (ср. переходъ въ нихъ о долгаго въ у), во-вторыхъ, галицкое или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей, каковы, на примѣръ, отвердѣніе *p*, отвердѣніе *m* въ 3-мъ л. обоихъ чиселъ, измѣненіе *a* подъ влияніемъ предшествующихъ смягченныхъ согласныхъ въ направленіе къ *e*, совпаденіе *ы* и *и* въ звукѣ *ы* и т. д.

Соображая все вышесказанное объ исторической судьбѣ южно-русскихъ племенъ, я заключаю, что къ сѣверной вѣтви южно-русской группы принадлежали хорваты, бужане, жившіе по Западному Бугу, дулѣбы, жившіе нѣкогда по Южному Бугу, древляне, и наконецъ, поляне; къ южной вѣтви этой группы относились тиверцы, уличи и волянне. Трудно оспаривать соплеменность полянъ съ древлянами: весьма важно, что въ историческое время (начиная съ XI вѣка) польская и деревская земли нерасторжимы; важно и то, что киевскіе князья борются съ волынскими изъ за коренной области древлянъ—Погорыни, отторгнутой отъ нихъ вслѣдствіе вторженія воляннъ; любопытно и то, что политическое вліяніе Киева распространяется вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ древлянъ къ сѣверу: на сѣверѣ отъ Припечи, Турово-Пинское княжество становится киевскимъ удѣломъ, очевидно, подъ вліяніемъ древлянской колонизаціи въ область дреговичей. Но лѣтописецъ рѣзкими чертами отдѣлилъ нравы и бытъ полянъ отъ древлянъ: изъ его разказа ясно, что поляне были болѣе культурнымъ племенемъ, чѣмъ древляне, но, разумѣется, отсюда нельзя заключать противъ ихъ единоплеменности. Большая культурность полянъ была обусловлена географическимъ положеніемъ ихъ поселеній: нѣтъ сомнѣнія, что племя это было немногочисленно; кромѣ Киева, нельзя назвать другаго значительнаго города на польской территоріи; эта территорія занимала небольшое пространство, окаймленное съ востока Днѣпромъ ¹⁾, съ сѣверо-запада

¹⁾ За Днѣпромъ Киеву предположительно принадлежала узкая береговая полоса. Грушевскій, Очеркъ исторіи Киевской земли.

и сѣвера Тетеревомъ, съ юга Росью, а на западѣ врядь ли дошедшее до верхняго теченія Случа. Въ виду этого весьма вѣроятно предположить, что сѣверно-малорусскіе поляне были весьма немногочисленнымъ племенемъ, рано подвергшимся влиянію культурнаго центра—Кіева, созданнаго, конечно, не одними мирными земледѣльцами, но также военно-торговымъ движеніемъ по рѣкѣ Днѣпру. Позднѣйшее обще-русское значеніе Кіева создано, какъ объ этомъ ясно свидѣлствуетъ исторія, не одними полянами: оно создано, а вѣрнѣе создавалось нѣсколько разъ политическимъ союзомъ, завязавшимся на сѣверѣ при помощи варяговъ. Этимъ исключительнымъ положеніемъ Кіева въ значительной степени объясняется то исключительное среди другихъ русскихъ племенъ положеніе полянъ, которыхъ лѣтописецъ, въ противоположность остальнымъ славянамъ, называетъ мужами мудрыми и смысленными. Оно же объясняетъ намъ, почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ въ Кіевомъ городѣ деревской, волынской, можетъ быть, даже самой польской земли: очевидно, въ обще-русскомъ городѣ создано такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты. Мы увидимъ ниже, какъ съ теченіемъ времени создано подобное нарѣчіе, получившее значеніе обще-русскаго языка, въ Москвѣ—одной изъ преемницъ политической роли Кіева. Доказательства того, что въ Кіевѣ говорили иначе, чѣмъ въ сосѣднихъ южно-русскихъ городахъ, у насъ на лицо: они представляются настолько значительными, что побудили лучшаго изслѣдователя исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго сначала допустить въ Кіевѣ присутствіе велико-руссовъ, а впоследствии—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя¹⁾. Конечно, предположеніе о смѣшанномъ

¹⁾ Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истаба, не извѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій сѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ мало-русскихъ говорахъ. Несомнѣнно, что на говорѣ князей и дружинъ, имѣвшихъ обще-русскій характеръ, благодаря постояннымъ ихъ передвиженіямъ, еще яснѣе должно было отразиться влияніе разныхъ русскихъ нарѣчій. Слово лошадь, вѣроятно, было извѣстно сѣверянамъ; то же можно утверждать относительно слова изба, такъ какъ заимствованіе его въ языкъ кумановъ (ухва) ясно доказываетъ употребленіе его русскимъ племенемъ, сосѣднимъ со степью.

характерѣ Кіевскаго населенія дѣлаетъ совершенно излишнею гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшего возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признавать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами, сидѣвшими густыми массами по противоположному берегу Днѣпра: ихъ города Черниговъ и Переяславль соперничали съ Кіевомъ въ политическомъ и торговомъ значеніи, а Переяславль, расположенный отъ Кіева всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды, былъ одно время митрополіей. Между тѣмъ допустить, чтобы сѣверяне были одноплеменны съ полянами и прочими южно-русскими племенами, мы не имѣемъ основанія: политическая судьба Чернигова, съ одной стороны, Переяславля, ставшаго отчиной князей владимірскихъ, съ другой, ясно, думаю, свидѣлствуетъ, что сѣверяне и поляне никогда не могли создать общаго племеннаго центра, а впоследствии, при распаденіи Руси на области, образовать одну общую область.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, видимъ, что уже къ началу нашей исторіи русская семья распадалась на три племенные группы, коихъ составъ и приблизительныя мѣста жительства мы старались выше опредѣлить. Языкъ свидѣлствуетъ о древности и первоначальности такого дѣленія, такъ какъ уже въ памятникахъ XI вѣка находимъ типичныя особенности сѣверно-русскихъ говоровъ, а въ памятникахъ XII вѣка, какъ это убѣдительно доказалъ Соболевскій, выступаютъ особенности малорусскія. Отсюда слѣдуетъ, что къ тому же времени сложились типическія особенности средне-русскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе, что эти особенности (напримѣръ, аканіе), общія всемъ говорамъ средне-русскаго нарѣчія, не могли образоваться позже XII вѣка, когда восточная вѣтвь средне-руссовъ и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи начала отдѣляться отъ западныхъ вѣтвей этого племени.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію послѣдующихъ судебъ русскаго народа, содѣйствовавшихъ образованію въ немъ новыхъ народностей и новыхъ нарѣчій, я отмѣчу въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ главныя направленія въ движеніяхъ русскаго населенія, которыя повели сначала къ заселенію Россіи въ тѣхъ пространствахъ, гдѣ застаетъ славянъ древняя лѣтопись, а потомъ къ взаимнымъ столкновеніямъ между отдѣльными племенами русскими. Движеніе въ первое

время идетъ съ запада на востокъ: это доказывается какъ появленіемъ радимичей и вятичей въ средней Россіи изъ предѣловъ, порубежныхъ съ польскимъ племенемъ, такъ и колонизаціоннымъ движеніемъ кривичей въ области, занятыя финскимъ племенемъ: въ IX вѣкѣ кривичи достигаютъ нижней части бассейна Оки и втягиваютъ Мурому въ сѣверно-русскій политическій союзъ; наконецъ, сѣверяне путемъ частью мирной колонизаціи, а частью и воинственныхъ набѣговъ достигаютъ Дона, осаживаясь тамъ въ значительномъ количествѣ. Одновременно происходитъ движеніе на югъ и притомъ не только на юго-востокъ (Тмутаракань, походы русскихъ къ Каспійскому морю), но и на югъ и юго-западъ¹⁾. Сѣверно-русскія племена стремятся въ Приднѣпровье и сплачиваются для этой цѣли въ политическіе союзы; вмѣстѣ съ южными племенами они производятъ набѣги на Царьградъ, причемъ походы ихъ имѣютъ главною цѣлью грабежъ и добываніе средствъ къ жизни; въ концѣ X вѣка южно-русскій князь Святославъ становится прочной ногой по ту сторону Дуная и объявляетъ Переяславецъ центромъ своей земли. Но, одновременно съ этой хвастливой рѣчью удалаго князя, на югѣ Россіи происходятъ событія, измѣнившія весь ходъ нашей исторіи. Въ южныя степи вторгаются дикія турецкія орды, уже не сдерживаемыя культурнымъ царствомъ хазарскимъ, окончательно разрушеннымъ тѣмъ же Святославомъ. Въ концѣ X вѣка онѣ сметають осѣдлое населеніе южной Руси и доходятъ до самаго Кіева; неудачи Святослава, можетъ быть, объясняются появленіемъ у него въ тылу печенѣговъ, въ сраженіи съ которыми онъ и падаетъ у днѣпровскихъ пороговъ. Печенѣги и узы господствуютъ въ южныхъ степяхъ до середины XI вѣка и тревожатъ предѣлы самой византійской имперіи, превративъ при-дунайскія степи въ свои пастбища; ихъ смѣняютъ въ XI вѣкѣ еще болѣе могущественные половцы. Такимъ образомъ и на востокѣ и на крайнемъ западѣ зашедшія на югъ русскія племена частью подверглись истребленію кочевниковъ, а частью подъ напоромъ ихъ были принуждены искать себѣ новыхъ жилищъ. До насъ сохранились указанія на эти движенія русскихъ племенъ: сначала они устрем-

¹⁾ Весьма любопытныя данныя о древнихъ русскихъ поселеніяхъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная приведены В. Г. Васильевскимъ въ его статьѣ „Византія и Печенѣги“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1872 г., декабрь, стр. 299 и слѣд.). Ср. также у Е. Грота, Моравія и Мадьяры, стр. 63—66 и 279; у И. Филеогича, Исторія древней Руси.

ляются съ востока на западъ, не покидая излюбленнаго юга; Ulrich, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ. Тиверцы и Ulrich по преданію, занесенному въ лѣтопись, сидѣли нѣкогда гораздо южнѣе, чѣмъ впоследствии: ихъ поселенія доходили до Дуная и до моря; оставленные ими города сохраняли свои имена (а можетъ быть и часть жителей)¹⁾ до времени лѣтописца. Это указываетъ уже на послѣдующее за первымъ ударомъ степныхъ ордъ движеніе южно-русскихъ племенъ: не находя безопасности и на юго-западѣ, они устремились къ сѣверу. И это движеніе къ сѣверу, начатое племенами, сидѣвшими въ южно-русскихъ и при-дунайскихъ степяхъ, передается другимъ сосѣднимъ племенамъ. Такимъ образомъ на смѣну прежняго направленія къ югу является другое направленіе русскихъ племенъ—къ сѣверу. На крайнемъ востокѣ вверхъ по Дону поднимаются сѣверяне и осаживаются въ при-окскомъ бассейнѣ, встрѣтившись здѣсь съ кривичами: на берегахъ Оки происходитъ столкновеніе двухъ русскихъ племенъ, столкновеніе, отразившееся и на мѣстныхъ говорахъ. Любопытныя изслѣдованія Е. О. Будде доказали, что въ за-окской части Рязанской губерніи существовалъ нѣкогда сѣверно-русскій (кривичскій) говоръ, съ теченіемъ времени ассимилировавшійся говорамъ южнымъ, но до сихъ поръ не утратившій своихъ типическихъ сѣверныхъ особенностей²⁾: въ Касимовскомъ уѣздѣ, очевидно, сохранились тѣ находники, поселившіеся среди финской Муромы, которые входили въ IX вѣкѣ въ составъ сѣверно-русскаго союза. На юго-западѣ южныя вѣтви южно-русскаго племени тѣснятъ сѣверныя его вѣтви: древяне, дулѣбы и бужане выдерживаютъ нашествіе волынянъ: частью они ассимилируются имъ, сливаются съ ними, но частью они принуждены искать себѣ новыхъ жилищъ. Съ одной стороны, они переходятъ въ территорію дреговичей, уже окончательно оттѣснивъ ихъ и устремившись вслѣдъ за ними за рѣку Припять; съ другой стороны, они вытѣсняють ятвяговъ и занимають оставленную этимъ народомъ страну. Дреговичи въ свою очередь двигаются къ сѣверу и оттѣсняють Полоцкихъ кривичей; отсюда они стремятся еще далѣе къ сѣверу и доходятъ до области Изборскихъ кривичей. Изученіе языка полоцкихъ и рижскихъ памятниковъ доказываетъ, что полоцкій говоръ „былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ

¹⁾ Ср. исторію Ивана Ростиславича Берладника.

²⁾ Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань, 1896 г.

кривичей съ одной стороны и дреговичей съ другой¹⁾. Такой характеръ полоцкаго говора ясно доказываетъ, что въ Полоцкой области происходили столкновения, а затѣмъ и смѣшеніе кривичей съ напавшими на нихъ съ юга дреговичами. Изученіе языка Пскова еще яснѣе показываетъ, какъ далеко зашли уже къ началу XV вѣка дреговичи: Соболевскій, которому принадлежитъ честь открытія псковскаго говора, обнаружилъ въ его памятникахъ странное смѣшеніе буквъ е и а (я), смѣшеніе, доказывающее, какъ мнѣ кажется, произношеніе неударяемыхъ е и ѣ какъ я въ этомъ говорѣ; это явленіе стоитъ въ тѣсной связи съ обнаруживаемымъ уже въ концѣ XIV вѣка псковскимъ аканіемъ (маскву и т. д.)²⁾. Очевидно, кривичи были въ это время уже значительно разрѣжены, а частью, можетъ быть, и вытѣснены дреговичами, втянувшими новгородскій пригородъ Псковъ въ сферу полоцкихъ и литовско-русскихъ интересовъ. Движеніе южныхъ племенъ отразилось и въ Смоленской области: ея древніе поселенцы кривичи отступаютъ подъ напоромъ вятичей и сѣверянъ; въ результатѣ, въ современной Смоленской губерніи мы уже почти не можемъ обнаружить сѣверно-русскихъ особенностей говора³⁾, но еще въ XIII столѣтіи видимъ въ памятникахъ, писанныхъ въ Смоленскѣ, почти тѣ же особенности, что въ полоцкихъ, а именно сочетаніе кривичскихъ (сѣверно-русскихъ) и радимичскихъ или вятичскихъ (средне-русскихъ) звуковыхъ чертъ. Переходя далѣе къ востоку, въ область верхняго Поволжья, видимъ такое же движеніе средне-русскаго племени къ сѣверу: согласно показанію Повѣсти временныхъ лѣтъ, истоки Волги находились въ мѣстности, заселенной кривичами, но та же лѣтопись, повторяя при этомъ извѣстіе Начальнаго свода, говорить подъ 964 годомъ, что Святославъ нашелъ вятичей не только на Окѣ, но и на Волгѣ; кажется, это сообщеніе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ концѣ XI вѣка, когда возникъ Начальный сводъ, вятичи, сидѣвшіе раньше на Окѣ, продвинулись далѣе къ сѣверу, оттѣснивъ кривичей, а частью смѣшавшись съ ними. Мы увидимъ ниже, что наступательное движеніе вятичей къ сѣверу стало еще рѣшительнѣе въ XIII вѣкѣ, послѣ нашествія татаръ, довершившихъ дѣло печенѣговъ и половцевъ и надолго отвоевавшихъ югъ у русскаго

¹⁾ Соболевскій, Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Отд. отт. изъ Р. Ф. В.).

²⁾ Соболевскій, Очерки.

³⁾ Впрочемъ, къ такимъ особенностямъ относится измѣненіе ч въ џ въ некоторыхъ сѣверныхъ уѣздахъ этой губерніи (ср. ниже).

народа: современные нарѣчія Тверской губерніи доказываютъ, что вятичскія поселенія захватывали почти всю территорію Тверскаго княжества, кромѣ восточной и сѣверо-восточной его части. Наконецъ, на крайнемъ юго-западѣ имѣетъ мѣсто явленіе, вполне аналогичное съ тѣми, которыя мы можемъ прослѣдить на востокъ и въ средней Россіи: тиверцы, оттѣсненные отъ Дуная и отъ моря, наводняютъ бассейнъ Днѣстра и частью вытѣсняютъ изъ него хорватовъ, отбрасывая ихъ къ западу за Карпаты, частью сливаются съ ними.

И такъ, броженіе русскихъ племенъ не остановилось и въ историческую эпоху: оно приняло только другое направленіе; будучи сначала наступательнымъ, оно стало оборонительнымъ по отношенію къ кочующимъ на югѣ ордамъ; нельзя уже было искать новыхъ земель на югѣ, надо было вести упорную борьбу частью между собой, частью же съ финнами изъ за мало плодородныхъ земель и лѣсныхъ пространствъ на сѣверѣ. Такимъ образомъ конецъ X вѣка надо считать поворотнымъ въ племенной жизни русскаго народа. Но еще раньше были заложены начала, которыя черезъ нѣкоторое время совершенно измѣнили племенной его бытъ, создавъ новыя формы общественной и политической жизни.

Въ IX вѣкѣ стремленіе къ югу русскихъ, а подъ влияніемъ ихъ и жившихъ рядомъ съ ними финскихъ племенъ, было особенно напряженно: оно объясняется, вѣроятно, тѣми успѣхами, которые дѣлала русская колонизація, углубляясь къ югу и къ юго-востоку съ одной стороны, къ юго-западу съ другой; но въ благоприятныхъ условіяхъ оказывались только южно-русскія и средне-русскія племена, вошедшія въ политическій союзъ, образованный хазарскимъ царствомъ; радимичи, вятичи, сѣверяне и южно-русскія племена—это данники хазаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ возможность беспрепятственно расширять свои поселенія, проникая даже въ самую глубь Хазаріи. Въ болѣе стѣсненномъ положеніи находятся племена сѣверно-русскія; свободный доступъ къ югу загражденъ для нихъ сидѣвшими южнѣе ихъ и находившимися подъ покровительствомъ хазаръ племенами. Сѣверно-русскія племена должны пробить себѣ дорогу къ югу и отыскать себѣ ту свободу движеній, которою пользуются ихъ южные сосѣди: для этого они заключаютъ между собою союзъ и ищутъ предводителя. Онъ нуженъ имъ не для того, чтобы судить ихъ и управлять ими, какъ разказываетъ позднѣйшая лѣтопись, а для того, чтобы руководить тѣмъ движеніемъ, которое обуславливалось, конечно, жизненными по-

требностями,—движеніемъ къ югу, въ мѣста болѣе плодородныя и удобныя для жительства. Предъявляя такія требованія къ князю, признавая его прежде всего вождемъ, сѣверно-русскій союзъ напелъ его среди воинственныхъ варяговъ, предлагавшихъ и тогда, какъ и впослѣдствіи русскимъ князьямъ, свои услуги за известную плату. Рюрикъ, имя котораго сохранило преданіе, былъ начальникомъ наемной дружины. Вѣроятно же всего, что уже этотъ князь началъ борьбу съ сосѣдними племенами, пробиваясь къ югу: наши свѣдѣнія о событіяхъ и отношеніяхъ IX вѣка весьма скудны; память о нихъ была затемнена уже ко времени составленія лѣтописи, что видно хотя бы изъ того, что Начальный сводъ называетъ преемникомъ Рюрика сына его Игоря, а Олега признаетъ воеводой, между тѣмъ какъ Повѣсть временныхъ лѣтъ говоритъ о княженіи Олега въ малолѣтство Игоря. Смѣшеніе преданіемъ понятій князь и воевода весьма характерно: Олегъ, который осуществилъ стремленія сѣверо-русскаго союза и повелъ словѣнь, кривичей, чюдь, мерю и весь сначала къ Смоленску, потомъ къ Киеву, былъ прежде всего военачальникомъ; въ качествѣ такового, онъ становится во главѣ огромныхъ полчищъ, состоявшихъ изъ племенъ сѣверныхъ, южныхъ и средне-русскихъ, и въ началѣ X вѣка устремляется съ ними къ югу—на Царьградъ. Появленіе къ концѣ IX вѣка обще-русскаго союза на мѣсто ранѣе того завязавшагося союза сѣверно-русскаго указываетъ прежде всего на то, что средне-русскія и южно-русскія племена преслѣдовали тѣ же задачи, стремились къ той же цѣли, что сѣверно-русскія: имъ надо было расширять свои поселенія къ югу и удовлетворять своимъ воинственнымъ стремленіямъ, охватившимъ ихъ въ то переходное въ ихъ жизни время. Весьма вѣроятно, что эти общія цѣли и задачи, еще раньше образованія обширныхъ племенныхъ союзовъ, содѣйствовали сближенію племенъ между собой: Киевъ, какъ это видно изъ преданія объ Аскольдѣ и Дирѣ, имѣлъ политическое значеніе и до образованія при Олегѣ обще-русскаго союза; очевидно, онъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторыя изъ русскихъ племенъ и всего вѣроятно—поляна съ сѣверянами. Такимъ образомъ, рядомъ съ разрозненностью племенъ, отсутствіемъ земельного единства, замѣчаются централизационныя стремленія ихъ: они завязываютъ между собою болѣе или менѣе обширные союзы, создаютъ общіе торговые и политическіе центры. Эти два противоположныя теченія сказались, конечно, и въ языкѣ: древне-русскій языкъ разбился на нарѣчія и говоры, но во многихъ точкахъ соприкосновенія отдѣльныхъ племенъ—въ городахъ

эти говоры, сближаясь, вліяли другъ на друга и частью сглаживали рѣзкія діалектическія особенности, частью же звуковыя явленія одного говора переносились въ другіе сосѣдніе съ нимъ говоры. Культурное превосходство одного племени давало ему возможность вліять на своихъ сосѣдей: такъ, повидимому, еще въ доисторическое время началось вліяніе сѣверянъ на вятичей и радимичей, вліяніе, сказавшееся впослѣдствіи въ почти полномъ единствѣ языка. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что основанія для обще-русскаго союза были заложены еще ранѣе образованія его при Олегѣ: всѣ русскія племена нуждались въ общемъ военачальникѣ, который направитъ ихъ силы въ наступательномъ движеніи ихъ на югъ. Олегъ, Игорь, Святославъ—это прежде всего предводители того стихійнаго движенія, которое влекло русскія племена къ югу; такъ же, какъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, цѣлый рядъ племенъ и народовъ былъ охваченъ стремленіемъ на югъ и на западъ: лѣтопись указываетъ на число 2.000 кораблей въ походѣ Олега на Царьградъ, греческая хроника приводитъ число 10.000, опредѣляя число гребныхъ лодокъ Игоревыхъ.

Мы видѣли выше, что въ концѣ X вѣка движеніе на югъ стало уже невозможнымъ: ему помѣшали тюркскія орды печенѣговъ и узовъ. Съ этого времени начинается обратное движеніе русскихъ племенъ къ сѣверу. Обще-русскому союзу грозитъ опасность распасться, такъ какъ онъ уже не можетъ осуществить тѣхъ задачъ, для которыхъ возникъ. На смѣну прежнихъ централизационныхъ стремленій племенъ выступаютъ ихъ взаимная вражда, ихъ естественная разрозненность. Но единство народное и земельное поддерживается объединительными стремленіями другаго происхожденія и начала: созданная въ предшествующій періодъ центральная власть старается сохранить свое значеніе. Стремленіе къ распаденію сказывается прежде всего на югѣ, то-есть тамъ, гдѣ прежде всего должно было остановиться движеніе: сѣверныя племена съ Владиміромъ во главѣ при помощи наемныхъ варяговъ, восстанавливаютъ единство. Тотъ же Владиміръ усмирляетъ въ 981—984 гг. вятичей и радимичей, въ 992 г. хорватовъ: эти племена участвовали вмѣстѣ съ полянами и другими племенами въ походѣ Олега на Царьградъ. И такъ, центральная власть, созданная союзомъ племенъ, сама поддерживаетъ единство распадающагося союза, для чего строитъ города, черезъ которые власть исполняетъ свою задачу—поддержать связь отдѣльныхъ земель съ центромъ и обезпечить имъ широкое существованіе. На сѣверѣ, какъ указано, не такъ скоро явились

стремленія къ разрушенію союза, какъ на югѣ: но за то на югѣ общая опасность отъ кочевниковъ налагаетъ новую обязанность на центральную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ ея значеніе, поддерживая такимъ образомъ единство союза и здѣсь. Событія, послѣдовавшія за смертью Владимира, показываютъ, однако, какъ непроченъ этотъ союзъ: дреговичи и полоцкіе кривичи совершенно обособляются отъ остальныхъ племенъ. Распавшееся между этими послѣдними единство восстанавливается опять-таки сѣверными племенами и наемною варяжскою дружиной Ярослава. Тѣмъ не менѣе средне-русскія племена (сѣверяне), подобно дреговичамъ, долгое время отстаиваютъ свою самостоятельность: они имѣютъ своего князя въ лицѣ Мстислава Владимировича и въ 1024 году побѣдоносно отражаютъ варяговъ и сѣверныя ополченія. Весьма вѣроятно, что только общая опасность отъ печенѣговъ принудила сѣверянъ признать Ярослава своимъ княземъ, тѣмъ болѣе, что южныя племена, какъ это показываютъ событія 1036 года, не могли справиться съ дикими кочевниками однѣми своими силами и должны были обратиться за помощью къ новгородцамъ и варягамъ. При Ярославі центральная власть достигла высшаго своего напряженія: вѣроятно, князь воспользовался для своего усиленія тѣмъ бродячимъ состояніемъ, въ которомъ находились русскія племена, благодаря движенію съ юга на сѣверъ, движенію, вызванному постоянно прибывавшими силами степныхъ ордъ. Ярославу приходилось вести упорную борьбу съ сосѣдями, которыхъ русскія племена должны были потѣснить въ своемъ стремленіи на сѣверъ: поляки, литва и ятвяги постоянно борются съ кievскимъ княземъ, которому приходится одновременно строить города и на финскомъ сѣверо-востокѣ, необходимые для наступательнаго движенія туда русской колонизаціи, и на степныхъ южныхъ окраинахъ для охраны отступавшаго къ сѣверу населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ княжеская власть еще со временъ Владимира должна была осуществлять культурную задачу обще-русскаго характера: христіанство распространялось изъ центра и черезъ города проникало въ отдаленнѣйшіе уголки земли русской. Нѣтъ сомнѣнія, что и это поддерживало единство земли и возвышало значеніе князя, подготавливая вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное измѣненіе прежнихъ общественныхъ и политическихъ формъ жизни. Пока русскія племена не осѣли вполне на занятыхъ ими земляхъ, пока имъ было возможно мечтать о наступательномъ движеніи и о приобрѣтеніи новыхъ земель, до тѣхъ поръ на Руси господствовалъ племенной бытъ. Съ прекращеніемъ движенія на югъ, имъ пришлось стать ближе къ землѣ

и оградить ее отъ захвата сосѣдей, пришлось отвоевывать другъ у друга мѣста, удобныя для поселеній, и размежеваться между собой: племенные отношенія уступили мѣсто отношеніямъ земельнымъ или областнымъ. Тѣ и другія отношенія не могли, конечно, совпадать между собой: одно и то же племя, занявъ удаленныя другъ отъ друга земли, могло войти въ составъ различныхъ областей и, напротивъ, близкое сосѣдство племенъ, принадлежащихъ различнымъ группамъ, создавало между ними областное единство и тѣсныя земельныя отношенія. Наконецъ, третьимъ, дѣйствовавшимъ при этомъ началомъ была княжеская власть, исходившая изъ общаго центра, созданнаго въ предшествующую эпоху союзомъ русскіхъ племенъ. Центральная власть, племя и земля—вотъ, что создавало и видоизмѣняло общественныя и политическія отношенія первыхъ вѣковъ нашей исторіи: союзъ князя и земли привелъ со временемъ къ уничтоженію племени. „Подъ вліяніемъ княжеской власти, говоритъ Соловьевъ, совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной“, но начало областного быта было положено необходимою прочно осѣсть на землѣ. Со второй половины XI вѣка лѣтописецъ уже не говоритъ о племенахъ: вмѣсто полянъ у него являются кияне, вмѣсто сѣверянъ—черниговцы и переяславцы, вмѣсто мери—суздальцы, ростовцы; равнымъ образомъ, вмѣсто польской, кривичской, сѣверской земли, онъ употребляетъ названія городовъ: Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ. Но хотя областное дѣленіе и замѣнило со временъ Ярослава прежнее племенное дѣленіе, тѣмъ не менѣе племя пережило образование области и въ значительной степени отразило свое вліяніе на тотъ областной бытъ, который характеризуетъ періодъ удѣловъ. Вліяніе это сказалось, во-первыхъ, въ розни, существовавшей между областями и смѣнившей прежнюю племенную рознь; удѣльныя усобицы въ значительной части вызваны не князьями, а самими областями; такъ области не соглашались признавать родовыхъ счетовъ княжескаго дома; поэтому многія изъ нихъ рано выдѣляются изъ системы удѣловъ и становятся вотчиной той или другой княжеской вѣтви; нерѣдко область не признаетъ за княземъ тѣхъ правъ, которыя даетъ ему рожденіе, и принимаетъ къ себѣ младшаго помимо старшаго. Не удѣльная система раздробила русскую землю; сама она стала возможной въ силу того, что земля не сознавала своего единства и переживала въ новомъ областномъ своемъ бытѣ прежнюю племенную вражду. Напротивъ, удѣльная система, какъ это высказалъ Костомаровъ, содѣйствовала объединенію земли, такъ какъ областной и

прежней племенной раздробленности было противопоставлено единство княжеского рода; враждебныя между собою волости видѣли у себя не только родственныя между собой князья, но часто объединялись подъ властью одного князя (Черниговъ и Кіевъ при Святославѣ Ярославичѣ, Кіевъ и Ростовъ при Юріи Долгорукомъ и т. д.). Вліяніе племени на областной бытъ отразилось, во-вторыхъ, въ томъ, что оно задерживало развитіе области и княжеской власти въ областномъ центрѣ: среди областей, на которыя въ XII вѣкѣ распалась русская земля, однѣ развиваются быстрѣе другихъ. Развитіе области находится въ самой тѣсной связи съ племенными отношеніями, въ ней господствующими. Въ той области, гдѣ областное населеніе принадлежит по составу своему къ одному племени, княжеская власть не можетъ достигъ того напряженія, какъ въ областяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ, разноплеменнымъ: она парализуется господствомъ старыхъ, племенныхъ отношеній, не мирящихся съ новыми формами жизни; князь долженъ считаться съ вѣчемъ стольнаго города, и представители племени соперничаютъ въ своемъ вліяніи на князя съ его дружинниками и боярами. Вотъ почему ни въ Черниговѣ, ни въ Переяславлѣ, ни въ самомъ Кіевѣ областной строй не могъ укрѣпиться настолько, чтобы затѣмъ перейти въ строй государственный; въ Новгородѣ же княжеская власть почти не имѣла развитія, почему земельныя отношенія и приняли здѣсь совершенно своеобразный характеръ. Напротивъ, въ областяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ, гдѣ столкнулось нѣсколько разнородныхъ племенъ, гдѣ къ тому же, рядомъ съ русскимъ населеніемъ, сидѣло инородческое, новыя земельныя отношенія, въ союзѣ съ княжескою властью, создаютъ прочный областной строй и парализуютъ всякія племенныя начала. Таковы были области на окраинахъ русской земли — на сѣверо-востокѣ, сѣверо-западѣ и юго-западѣ ея. Въ Ростовской области, занимавшей среднее Поволжье и сѣверную часть бассейна Оки, столкнулись колонисты двухъ различныхъ племенныхъ группъ — сѣверно-русской и средне-русской. Сѣверно-русскіе кривичи проникли сюда по Волгѣ, а средне-русскіе вятичи по Москвѣ, притоку Оки¹⁾; кромѣ того, къ концу XI вѣка въ эту же область проникаютъ изъ рязанской земли сѣверяне и осаживаются здѣсь среди русскаго и финскаго населенія²⁾. Столкновеніе различныхъ русскихъ

¹⁾ Въ колонизаціи Ростовско-Суздальской области, по крайней мѣрѣ южной ея части, вятичи издавна принимали дѣятельное участіе (*Барсовъ*, Очерки ист. геогр.).

²⁾ Вспомнимъ объ основаніи Переяславля Залѣскаго на рѣкѣ Трубежѣ въ воспоминаніе какъ южнаго, такъ и рязанскаго Переяславля на рѣкѣ того же имени.

племенъ, необходимость поддержки ихъ въ борьбѣ съ мерей, а также огражденія ихъ отъ волжскихъ болгаръ ставятъ мѣстному князю рядъ областныхъ задачъ, возвышающихъ его значеніе и дѣлающихъ его, а не тотъ или другой городъ, средоточіемъ земли: ср. перенесеніе княжескаго стола изъ Ростова въ Суздаль, а потомъ во Владимиръ.

Въ Полоцкой области происходила, какъ мы видѣли, борьба трехъ русскихъ племенъ: на сѣверѣ кривичей, на югѣ дреговичей, тѣснимыхъ въ свою очередь съ юга южно-русскими древлянами; западная граница области была не безопасна отъ такихъ воинственныхъ сосѣдей, каковы литовскія племена, занимавшія побережья Балтійскаго моря. Все это требовало отъ князя сильнаго напряженія власти, тѣмъ болѣе что за колонизаціоннымъ движеніемъ древлянъ въ Полоцкую область протягивались руки могущественныхъ князей кievскихъ и волинскихъ. Вѣроятно, это объясняетъ то значеніе, которое Изяславъ и его потомство получаютъ въ Полоцкой области: они не уступаютъ ея князьямъ другихъ княжескихъ линій, и только временно въ Полоцкѣ можетъ утвердиться тотъ или другой подручникъ южнорусскихъ князей. Червоная Русь, какъ указано выше, сложилась какъ отдѣльная область, послѣ вторженія тиверцевъ въ область хорватовъ: составъ населенія былъ такимъ образомъ смѣшанный, а на югѣ кромѣ того галицкому князю подчинено было довольно значительное волошское населеніе; западная и сѣверная границы, откуда угрожали венгры и поляки, весьма ревниво слѣдившіе за ростомъ Галича, и южная, открытая для набѣговъ кочевниковъ, отрѣзавшихъ тиверцевъ отъ моря, — требовали отъ галицкаго князя военнаго могущества, а это содѣйствовало, по крайней мѣрѣ въ началѣ, его значенію, обезпечивъ такимъ образомъ развитіе государственныхъ началъ въ этой области. Несомнѣнно, что и въ другихъ частяхъ русской земли были условія, которыми могли бы воспользоваться князья для расширенія своей власти, но ясно, что именно на окраинахъ скорѣе всего умолкала племенная рознь, уступая мѣсто интересамъ земли. Въ серединѣ XII вѣка видимъ уже окончательное разрушеніе общерусскаго племеннаго союза: въ значительной степени этому содѣйствуютъ наиболѣе видные представители тѣхъ новыхъ началъ, по которымъ пошла народная жизнь, — князья суздальскій и галицкій. Ихъ союзныя ополченія борются съ энергичнымъ потомкомъ Мономаха Изяславомъ Мстиславичемъ, принужденнымъ искать союза иноплеменниковъ для удержанія за Кіевомъ его первенствующаго значенія, для сохраненія прежнихъ, уже отжившихъ отношеній. Паденіе Кіева при Андрѣ Боголюбскомъ

было прямымъ слѣдствіемъ паденія общерусскаго племеннаго союза, такъ какъ общерусскій центръ—Кіевъ не имѣлъ того областнаго значенія, которое уже въ то время принадлежало Владимиру или даже Рязани. Долго еще матеръ городомъ русскимъ служить предметомъ стремленій южно-русскихъ князей, все еще не сознававшихъ того новаго направленія, въ которое вступила жизнь, но событія доказывали, что обладаніе Кіевомъ не было уже связано съ тѣмъ реальнымъ, осязаемымъ могуществомъ, которое могли всякій разъ проявить сильныя въ своей области князья сѣверо-восточной и юго-западной Руси.

Вторженіе татаръ не только не измѣнило того теченія, которое приняла народная жизнь, но даже содѣйствовало ему. Татары появились въ южныхъ степяхъ послѣ половцевъ и печенѣговъ, уже давшихъ новое направленіе движенію русскихъ племенъ; нашествіе татаръ только сузило еще больше русскія поселенія съ юга; оно не только смело тѣ остатки русскихъ племенъ на югѣ, которые пощадили половцы, но продвинуло ственную черту далеко къ сѣверу. Наиболѣе потерпѣло отъ татаръ то самое русское племя, которое за два съ половиной вѣка передъ этимъ успѣшно отступило къ сѣверу подъ напоромъ печенѣговъ, а съ тѣхъ поръ выносило на своихъ плечахъ всю тяжесть набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Сѣверяне въ Рязанскомъ, Елецкомъ, Курскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ, Переяславскомъ княжествахъ долгое время служили оплотомъ земли русской. Переяславщина, эта крайняя русская земля, по выраженію летописца конца XII вѣка, была, повидимому, совершенно опустошена; такой же участи подверглись Новгородъ-Сѣверскіе и восточные Черниговскіе удѣлы. Населеніе ихъ успѣшно отступало къ сѣверу и весьма вѣроятно, что именно это движеніе его содѣйствовало образованію могущественныхъ политическихъ тѣлъ въ бассейнахъ Оки и Волги, гдѣ, какъ мы видѣли, уже упрочилась областная жизнь. Не подлежитъ сомнѣнію, что и южно-руссы въ Заднѣпровьи подверглись жестокимъ и тяжкимъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ князей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. Виѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевского населенія должны были принять совершенно иной характеръ, сравнительно съ

прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою крайною землею русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли ассимилируется тому южно-русскому населенію, которое издавна сосѣдило на югѣ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужь жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территория ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даниилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древяне и дулѣбы отступили въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и вѣроятно также Волынской отлило въ Полѣсье, оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣе жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ). Закрѣпивъ, съ одной стороны, своимъ вторженіемъ то направленіе къ сѣверу, которое приняло еще раньше движеніе народныхъ массъ, татары содѣйствовали, съ другой стороны, исчезновенію послѣднихъ слѣдовъ племенной жизни, вызвали необходимость усиленія областныхъ, земельныхъ отношеній и такимъ образомъ въ значительной степени способствовали образованію обширныхъ государствъ на русской территории. Исторія нашего народа начинается съ успѣшнаго отступленія къ сѣверу подъ напоромъ степныхъ кочевниковъ; усиленіе княжеской власти, образованіе областей, ослабленіе племенной раздробленности—все это вызывается тѣми столкновеніями, въ которыя пришли русскія племена, лишь только точно опредѣлилась географическая граница ихъ осѣлости, и они увидѣли себя окруженными могущественными врагами. Послѣдній ударъ, усилившій всѣ тѣ явленія, которыя мы застаемъ уже въ XII вѣкѣ, даютъ татары; но этотъ ударъ, благодаря его положительнымъ результатамъ, послужилъ поворотнымъ

пунктомъ въ исторіи русскаго народа, который не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ сначала на юго-западѣ и нѣсколько позже на юго-востокѣ начинаетъ наступательное движеніе къ востоку и къ югу. Однимъ изъ результатовъ татарскаго нашествія, а вмѣстѣ съ тѣмъ всей предшествующей исторіи, было образованіе трехъ великихъ народностей—велико-русской, бѣло-русской и мало-русской.

А. Велико-русская народность заключаетъ въ себѣ въ настоящее время потомковъ двухъ различныхъ племенныхъ группъ — сѣверно-русской и средне-русской; діалектическая карта отражаетъ до сихъ ту племенную границу, которой не могли стереть ни новыя теченія народной жизни, ни образованіе государства, ни культура; окающіе и акающіе говоры сохраняютъ до сихъ поръ свои типическія особенности, а географическое отношеніе ихъ другъ къ другу въ мѣстахъ, издавна населенныхъ, то же, что отношеніе сѣверно-руссовъ къ древнимъ средне-руссамъ: окаютъ къ сѣверу, акаютъ къ югу. Но это упорное сохраненіе особенностей языка не помѣшало сѣверно-руссамъ и средне-руссамъ сблизиться во многихъ другихъ отношеніяхъ: сближеніе это обусловлено и вызвано тяготѣніемъ ихъ къ общимъ центрамъ, откуда распространяется однообразная культура. Кажется, и въ языкѣ великоруссовъ можно указать на нѣсколько общихъ явленій, пережитыхъ ими отдѣльно отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ: сюда относятся, напримѣръ, измѣненіе *и, ѣ* передъ *й* въ *е, о* подъ удареніемъ (простой, мою, шея, самъ-третей); въ области формъ сюда относится распространеніе окончанія им. мн. на *а* въ именахъ мужскаго рода (городá, домá). Но особенно важное свидѣтельство дѣйствительнаго сближенія сѣверноруссовъ и среднеруссовъ даетъ языкъ той широкой полосы, которая проходитъ вдоль границы окающихъ и акающихъ говоровъ. Здѣсь мы найдемъ рядъ говоровъ *смѣшанныхъ*, если разсматривать ихъ въ ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ, болѣе отдаленнымъ отъ діалектической границы говорамъ; но многіе изъ этихъ говоровъ представляютъ органическое, недѣлимое тѣло, переживавшее одни явленія вмѣстѣ съ южными, а другія съ сѣверными сосѣдями. Ниже мы укажемъ на такіе говоры. Изъ предыдущаго видно, что велико-русская народность произошла отъ соединенія сѣверно-руссовъ и средне-руссовъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе типическими представителями этой народности должно признать жителей той части Велико-россіи, гдѣ сѣверно-руссы издавна сосѣдили съ средне-руссами или, соображаясь съ современными отношеніями, гдѣ акающіе го-

воры сталкиваются съ окающими. Сюда относится Поволжье и бассейнъ Оки. Но не менѣе типичны и тѣ великоруссы, которые сидятъ на вновь колонизованныхъ мѣстахъ, если колонизація шла одновременно изъ области средне-русскаго и сѣверно-русскаго племени: новыя поселенцы еще тѣснѣе сближались между собой и въ результатѣ обогащали великорусскую народность новыми и типическими представителями; такихъ великоруссовъ мы найдемъ въ Нижегородской губерніи и южнѣе по всему Поволжью, включая сюда и Пензенскую губернію.

Начало велико-русской народности, а можетъ быть и нѣкоторыхъ велико-русскихъ говоровъ (то-есть, составившихся изъ смѣшенія сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ) относится къ весьма отдаленнымъ временамъ, когда въ бассейнѣ верхняго теченія Волги и затѣмъ Оки кривичи столкнулись съ вятичами, а въ XI вѣкѣ съ сѣверянами: можетъ быть, первыя столкновенія имѣли результатомъ ассимиляцію вятичей—кривичамъ. Вѣроятнымъ кажется мнѣ, что современные окающіе говоры, измѣняющіе *д* мягкое въ *дз, т* мягкое въ *ц*, восходятъ къ говорамъ, принадлежавшимъ вятичамъ и измѣнившимся подъ вліяніемъ кривичей: такіе говоры, по Далю и другимъ наблюдателямъ, слышатся въ восточной части Тверскаго уѣзда, въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ Моложскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ Ярославской губерніи, а также, по сообщенію А. Л. Погодина, въ Боровицкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи¹⁾. Съ вѣроятностью можно предположить, что вятичи, которыхъ въ X вѣкѣ застаемъ уже на Волгѣ (вмѣстѣ съ кривичами), могли зайти и сѣвернѣе при общемъ движеніи русскихъ племенъ къ сѣверу. Что вятичи дзекали и цекали, я указалъ выше, выводя это изъ предполагаемаго тождества ихъ языка съ языкомъ до сихъ поръ дзekaющихъ потомковъ радимичей. Иной характеръ имѣла встрѣча сѣверно-русскихъ кривичей съ средне-русскими вятичами и сѣверянами въ бассейнѣ Оки: обѣ племенные группы встрѣтились здѣсь въ значительныхъ массахъ и это сдѣлало невозможную ассимиляцію одного изъ этихъ племенъ другому. Указаніе на извѣстное соглашеніе между шедшими съ юга и шедшими съ сѣвера находниками Поволжья видимъ уже въ XII вѣкѣ: центръ образовавшейся здѣсь области переносится съ сѣвера на югъ, съ Волги на Клязьму, вытекающую изъ области вят-

¹⁾ Ср. Далъ, О нарѣчіяхъ русскаго языка. *Соболевскій*, Опытъ русской діалектологии, стр. 55—56 и 44.

тичей, изъ Ростова во Владимиръ, къ границамъ сѣверскаго племени, осѣвшаго въ Рязанской области. Значеніе новаго центра и вообще всей Ростовско-Суздальской области обусловлено присутствіемъ въ ней сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ элементовъ: это даетъ ей особую притягательную силу, и къ ней одинаково начинаютъ тяготѣть южныя, западныя и сѣверныя земли. „Со времени Юрія Долгорукаго, говоритъ Иловайскій, Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XIII вѣка сохраняло одну тѣнь самостоятельности“. Всеволодъ успѣваетъ подчинить своему вліянію и всю Рязанскую область, воспользовавшись усобицами ея князей. Еще ранѣе, Юрій подчиняетъ Ростовскому княжеству восточныя поселенія вятичей, гдѣ основываетъ Москву и Дмитровъ, и утверждаетъ на верхнемъ Поволжьѣ, откуда грозить постоянно Торжку и самому Новгороду. Андрей Боголюбскій посылаетъ своихъ данниковъ въ Заволочье, гдѣ суздальскіе интересы сталкиваются съ новгородскими (Бѣлоозеро издавна тянуло къ Ростову) и устанавливаетъ то довольно зависимое положеніе Новгорода отъ Владимира, которое черезъ нѣсколько столѣтій привело къ покоренію его Москвѣ. На востокъ Владимирское княжество начинаетъ наступательное движеніе уже съ начала XIII вѣка: основаніе Нижняго Новгорода—это начало захвата всего Поволжья великорусами. Татарское нашествіе еще болѣе способствуетъ тому естественному росту великорусской области, который былъ слѣдствіемъ предшествующаго періода. Но сначала оно невыгодно отражается на единствѣ земли: ослабивъ Владимиръ, унизивъ въ немъ княжескую власть, разрѣдивъ населеніе Нижегородской, Владимирской и Рязанской земель, татарское нашествіе вызываетъ появленіе новаго великорусскаго центра—въ Твери, вотчинѣ князей суздальскихъ. Усиленіе Твери несомнѣнно вызвано приливомъ населенія съ юга и юго-запада: въ первый разъ Тверь упоминается въ лѣтописяхъ въ 1209 году; повидимому, она построена въ концѣ XII вѣка для защиты суздальской земли со стороны Новгорода. Въ началѣ XIII вѣка Тверская земля принадлежитъ княжеству Переяславскому, а около середины этого же вѣка она представляетъ особый удѣлъ: Ярославъ Ярославичъ садится на Твери около 1243 года, то-есть, черезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго погрома, когда по выраженію лѣтописца „бысть пополохъ золь по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжить“, и за пять лѣтъ до появленія литовцевъ на юго-западной окраинѣ Тверскаго княжества, въ Зубцовѣ. Очевидно,

Тверь должна была служить мѣстомъ защиты для населенія, которое прилиvalo, съ одной стороны, съ юго-востока и юга, укрываясь отъ татаръ, а съ другой съ юго-запада, спасаясь отъ литовцевъ. До сихъ поръ еще диалектическая карта Тверской губерніи свидѣтельствуетъ о тѣхъ трехъ теченіяхъ, по которымъ двигалось въ Тверскую землю населеніе: сѣверо-восточныя уѣзды говорятъ на о и принадлежатъ къ области сѣверно-русскихъ (кривицкихъ) говоровъ; въ Тверскомъ, Старицкомъ, Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ уѣздахъ отмѣчены аканіе и другія черты средне-русскихъ (вятичскихъ) говоровъ, наконецъ, Ржевскій и Зубцовскій уѣзды примыкаютъ теперь къ области бѣлорусскихъ (радимичскихъ) говоровъ, такъ какъ тамъ между прочимъ дзekaютъ и цekaютъ. Со второй половины XIII вѣка видимъ необычайно быстрый ростъ Твери: опираясь на собственныя силы, тверской князь удачно выдерживаетъ борьбу и съ Новгородомъ и съ Владимиромъ, а въ началѣ XIV вѣка Тверь считалась сильнѣйшимъ княжествомъ сѣверо-восточной Руси. Борьба Твери съ Владимиромъ, а потомъ съ Москвой едва ли не служитъ доказательствомъ этнографической розни Суздальской и Тверской земли и во всякомъ случаѣ показываетъ, что къ XIV вѣку размѣщеніе населенія въ бассейнѣ верхняго теченія Волги было иное, чѣмъ въ началѣ XIII вѣка: очевидно, населеніе въ значительномъ количествѣ придвинулось къ сѣверу. Но замѣчательно, что несмотря на этотъ ростъ Твери и на раздробленность удѣловъ Ростовско-Суздальской земли, въ послѣдней еще живо сознавалось то областное единство, которое было слѣдствіемъ разсмотрѣнныхъ выше событій XI—XII вѣка. Стоило одному изъ удѣльныхъ князей ея усилиться насчетъ другаго, какъ тотчасъ же за этимъ слѣдовалъ новый успѣхъ его, новое приобрѣтеніе: область стремилась создать общій для всей земли центръ. Въ этомъ убѣждаетъ исторія возвышенія Москвы; едва успѣлъ московскій князь усилить свою область присоединеніемъ къ ней Переяславля-Залѣскаго, какъ ему подчиняются частью путемъ захвата, а частью добровольно—смоленскій Можайскъ, рязанскія Коломна и Лопасня, черниговскій Звенигородъ, а черезъ двадцать-двадцать пять лѣтъ Москва становится фактически резиденціей не только великаго князя, но и митрополита всея Руси. Въ теченіе 150-200 лѣтъ Москва успѣваетъ объединить всѣ области, занятыя сѣверно-русскимъ племенемъ и большую часть, а именно восточную половину—земель средне-русскихъ: сначала вокругъ нея собирается древняя Ростовско-Суздальская область съ ея великорусскимъ населеніемъ, а также мелкіе

черниговскіе удѣлы — Боровскъ, Верея, Кашира, Любутскъ, Козельскъ; часть ихъ пришлось доставать у Рязани, а часть пріобрѣтается послѣ борьбы съ литовско-русскимъ государствомъ, при чемъ на границахъ обоихъ государствъ видимъ рядъ княжествъ, долго удерживающихъ свою независимость какъ отъ Москвы, такъ и отъ Литвы (Мценскъ, Новосиль, Одоевъ). Съ теченіемъ времени великорусское государство включаетъ въ свои предѣлы: Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ. Этотъ политическій успѣхъ Москвы объясняется между прочимъ, конечно, и тѣмъ, что во всѣхъ названныхъ областяхъ она встрѣчала близкое, однородное своей народности населеніе: южныя и западныя области естественно примыкали къ вятичскому и сѣверскому ядру, а сѣверъ, при всемъ стараніи Твери и Новгорода, не могъ обособиться отъ родственныхъ по духу и языку ростовскихъ кривичей; еще естественнѣе тяготѣли къ Москвѣ вновь колонизованныя земли (напримѣръ, нижегородская), а также области, гдѣ происходило столкновеніе разныхъ племенъ, утрачивавшихъ такимъ образомъ свою самобытность: кромѣ Твери и Смоленска, сюда относится и Псковъ, гдѣ смѣшеніе кривичей съ дреговичами не осталось, можетъ быть, безъ вліянія на ту тѣсную связь, въ которую вступаютъ псковичи съ новымъ ихъ вотчинникомъ—московскимъ государемъ. Лучшимъ доказательствомъ, что созданіе Московскаго государства было дѣломъ прежде всего самого народа, служитъ указаніе на то, какіе мѣстные элементы поддерживали великаго князя, когда онъ проводилъ свое вліяніе въ ту или другую область и подготавливалъ ея присоединеніе къ Москвѣ. Черный людъ, младшіе люди, пригороды—вотъ обыкновенные сторонники московскаго князя, который и впослѣдствіи создалъ государственное единство, организовавъ именно эти дружественные ему элементы и возвышая ихъ путемъ административныхъ мѣръ насчетъ „лучшихъ людей“ и старшихъ городов¹⁾. Такимъ образомъ политическому объединенію отдѣльныхъ областей въ Московскомъ государствѣ предшествовало естественное тяготѣніе населенія ихъ къ Москвѣ, а самое объединеніе не было только внѣшнимъ, такъ какъ вліяніе Москвы быстро проникало въ самый народъ. Этимъ объясняется, что Москва въ скоромъ времени становится не только политическимъ, но и культурнымъ центромъ Великой Россіи, центромъ передъ которымъ совершенно меркнуть слава и значеніе Владимира и Новгорода, Рязани и Твери.

¹⁾ Ср. А. Д. Градовскій, Ист. мѣст. управл. въ Россіи, стр. 217—218.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ великорусскаго центра по всей странѣ распространялся и языкъ Москвы: правда, онъ оказалъ мало вліянія на мѣстные говоры и до послѣдняго времени, до учрежденія сельскихъ школъ, онъ не пытался вступать съ ними въ борьбу; но, можетъ быть, нѣкоторыя звуковыя явленія вызывались именно вліяніемъ Москвы, непосредственно же вліяніемъ мѣстнаго административнаго или торговаго центра, гдѣ мѣстное нарѣчіе смѣшалось московскимъ, получавшимъ такимъ образомъ обще-русское значеніе. Быстрое распространеніе московскаго нарѣчія объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что оно принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ говоровъ, такъ какъ соединило и вмѣстѣ съ тѣмъ сгладило рядъ звуковыхъ особенностей средне-русскихъ и сѣверно-русскихъ говоровъ. Для русскаго слуха московское нарѣчіе кажется наиболѣе „чистымъ“, такъ какъ онъ находитъ въ немъ, во-первыхъ, рядъ звуковъ, общихъ съ его мѣстнымъ говоромъ, а, во-вторыхъ, поразительную устойчивость и послѣдовательность въ произношеніи.

Б. Несмотря на тяготѣніе къ Москвѣ средне-русскихъ областей, нѣкоторымъ изъ нихъ не скоро удастся соединиться съ великорусскимъ ядромъ: это, какъ мы видѣли, объясняется вліяніемъ литовскаго государства, ростъ и возвышеніе котораго, какъ давно уже замѣчено, представляютъ много сходныхъ чертъ съ образованіемъ Московскаго царства. Я указывалъ выше на то, что въ Полоцкой землѣ, такъ же какъ въ Ростовско-Суздальской, племенной бытъ долженъ былъ рано уступить мѣсто областному, такъ какъ здѣсь столкнулось нѣсколько русскихъ племенъ, требовавшихъ отъ власти защиты отъ враждебнаго запада. Развитіе областнаго порядка, усиленіе городовъ облегчаютъ сближеніе воинственныхъ литовцевъ съ полоцкими кривичами, и древлянами: русскіе города принимаютъ литовскихъ князей. Еще тѣснѣе становится связь русскаго и литовскаго населенія, когда съ конца XII вѣка на крайнемъ западѣ появляется общій врагъ въ лицѣ ливонскаго ордена. Событія XIII вѣка, когда татарскій погромъ совершенно измѣнилъ политическія отношенія на югѣ и юго-востокѣ, повліяли самымъ рѣшительнымъ образомъ на судьбы русскаго и литовскаго населенія въ бассейнахъ Двины и Нѣмана. Во-первыхъ, сюда стали притекать народныя массы изъ южной Руси и изъ черниговско-сѣверскихъ удѣловъ: выше мы видѣли, какъ усиленіе опасности на югѣ, вызвало, какъ вызывало уже не въ первый разъ, движеніе населенія къ сѣверу. Во-вторыхъ, татары угрожаютъ сѣверо-западной Руси, куда они могутъ легко проникнуть, послѣ того какъ

опустошили и обезлюдил Поддѣпровье. Общая опасность и избытокъ населенія создаютъ условія, при которыхъ объединеніе края и созданіе областного союза ждутъ только появленія энергичнаго князя, смѣлаго характера. Въ серединѣ XIII вѣка Миндовгу, князю дреговичскаго города Новогородка, подчиняется уже весь юго-западъ Полоцкой земли, а его племянникамъ удается утвердиться и на сѣверо-востокъ— въ Полоцкѣ и Витебскѣ, а также въ сосѣдней области— Смоленской. Къ этому областному союзу, по естественному тяготѣнію, примкнула Литва, а съ юго-востока — средне-русскія области, населенныя потомками сѣверянъ и вятичей. Уже съ середины XIII вѣка видимъ начало наступательнаго движенія литовцевъ на югъ и востокъ: но ихъ дикіе набѣги и безплодные походы съ начала XIV вѣка, когда они втягиваются въ одну общую съ русскимъ населеніемъ жизнь, получаютъ опредѣленное направленіе, преслѣдуютъ уже государственную задачу. Подъ охраной литовско-русскаго государства начинается новое направленіе въ движеніи народныхъ массъ; начиная съ XI вѣка, онѣ удалялись къ сѣверу, уступая шагъ за шагомъ степнымъ кочевникамъ; съ XIV же вѣка начинается обратное движеніе, быстро переходящее въ наступленіе. Литовскіе князья становятся во главѣ этого движенія и, конечно, подъ ихъ охраной въ Подесенье переходятъ изъ южной части Полоцкой и сѣверной части Киевской земли древляне и смѣшавшіеся съ ними дреговичи: они осаживаются здѣсь среди остатковъ сѣверянъ, которые при содѣйствіи литовскихъ князей восстанавливаютъ города и на югъ-востокъ: въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Путивлѣ и даже въ дальнемъ Курскѣ появляются литовскіе князья. Ниже укажемъ на значеніе литовско-русскаго государства въ жизни южно-русскихъ племенъ, а здѣсь отмѣтимъ, что образованіе бѣлорусской народности стоитъ въ тѣсной связи съ объединеніемъ дреговичей и радимичей подл литовской гегемоніей. Литовско-русское государство въ культурномъ отношеніи было бѣлорусскимъ, такъ какъ господствующимъ, въ отношеніи языка, просвѣщенія и даже правовыхъ понятій, элементомъ были русскіе: бѣлорусское нарѣчіе становится государственнымъ языкомъ литовской Руси, а культурное вліяніе бѣлорусской народности охватываетъ всѣ тѣ средне-русскія области, которыя не попали еще подл вліяніе Москвы. Такимъ образомъ бѣлорусская народность сложилась изъ тѣхъ элементовъ, которые издавна сталкивались въ предѣлахъ Полоцкаго и Смоленскаго княжествъ: дреговичи и радимичи, съ одной стороны, ассимилировавшіеся господствующему средне-русскому пле-

мени—кривичи и древляне, съ другой. До сихъ поръ отдѣльные говоры бѣлорусскіе отражаютъ эти три элемента: сѣверо-востокъ—Полоцкѣ и Витебскѣ—сохраняетъ слѣды сѣверно-русскихъ звуковыхъ особенностей, напротивъ, южная часть Минской губерніи представляетъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому нарѣчію, которое слышится въ наибольшей чистотѣ въ землѣ полоцкихъ дреговичей и смоленскихъ радимичей, то-есть, въ сѣверной части Минской губерніи, въ Могилевской и въ западной части Смоленской губерніи.

В. Выше было указано на то броженіе, которое вызвано было въ населеніи южной Руси нашествіемъ татаръ: южно-руссы должны были устремиться къ сѣверу и западу, избѣгая встрѣчи съ дикими ордами, приблизившимися къ нимъ вплотную съ востока и юга. Но живучесть русскаго племени, его характеръ историческаго народа имѣли слѣдствіемъ то, что татарское нашествіе не только не внесло коренныхъ измѣненій въ народную жизнь, но даже какъ бы завершило то, къ чему подготовили южно-руссовъ предшествовавшія событія: оно открыло новый путь для объединившейся южно-русской народности, которая не позже какъ черезъ столѣтіе перешла въ наступательное движеніе на востокъ и на югъ. Организационная дѣятельность Данила въ значительной степени объясняется тѣмъ состояніемъ броженія, въ которомъ находилось южно-русское племя послѣ татарскаго нашествія: приходилось строить города и собирать разбѣжавшее населеніе, приходилось искать новый центръ земли русской, которымъ не могъ быть ни Киевъ, ставшій татарскимъ улусомъ, не подчиненнымъ русскому князю (Антоновичъ), ни Галичъ—жившій своими мѣстными интересами и погибавшій отъ внутреннихъ раздоровъ. Данилъ основываетъ Холмъ близъ польской границы, въ Волынской Украинѣ: не служитъ ли это указаніемъ на отливъ населенія къ крайнему сѣверу? Замѣчательно, что объединеніемъ страны южная Русь обязана князьямъ волынскимъ: Романъ и Данилъ опираются главнымъ образомъ на свою дѣднину и отчину—Волынскую область, откуда они добываютъ мятежный Галичъ. Не служитъ ли это указаніемъ на то, что областной строй, созданный энергіей Ростиславичей и ихъ преемниковъ, распался въ Галичѣ всякій разъ, какъ ослабѣвала власть князя, и что галичскіе бояре—это представители прежнихъ племенныхъ отношеній, поддерживавшихся тѣмъ, что сосѣднее, съ юга и юго-востока, русское населеніе еще не было втянуто въ новый строй жизни? Дѣлу объединенія страны, законченному Дани-

ломъ ко времени нашествія татаръ ¹⁾, въ значительной степени содѣйствовало давленіе внѣшнихъ враговъ: венгровъ, поляковъ и въ особенности Литвы, заходившей въ своихъ набѣгахъ уже въ первой четверти XIII столѣтія въ самую глубь Волынской области. Сближеніе южно-русскаго народа съ Литвой, постоянныя отношенія къ ней, то союзныя, то враждебныя, подготовили присоединеніе Южной Руси къ Литовско-русскому государству. Это присоединеніе нельзя признать завоеваніемъ или покореніемъ: въ южной Руси, и прежде всего на Волыни, водворяются литовскіе князья, при чемъ первое время страна, благодаря главнымъ образомъ иноземнымъ на нее влияніямъ, раздробилась на отдѣльныя области, имѣвшія мало общаго съ прежними, исторически сложившимися областями.

Съ теченіемъ времени Галичь отходитъ къ Польшѣ, а Волынь и Кіевъ, гдѣ литовскіе князья утвердились еще при Ольгердѣ, входятъ въ составъ государства литовско-русскаго. Съ XIV вѣка южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывається новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кіевскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину, что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ значительной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца: ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды“. Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не ранѣе XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраной московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украины, изъ Побережья, то-

¹⁾ Андриановъ, Очеркъ исторіи волынской земли, стр. 169.

есть мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части Южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину, двигалось за тѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи.

Предложенный краткій очеркъ тѣхъ главныхъ событій, которыми обуславливалось и сопровождалось образованіе отдѣльныхъ русскихъ народностей, при всей отрывочности своей, даетъ намъ возможность отвѣтить на поставленные въ началѣ настоящаго изслѣдованія вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ.

Современная группировка говоровъ по тремъ русскимъ народностямъ—великорусской, бѣлорусской и малорусской не соотвѣтствуетъ древней и первоначальной группировкѣ, такъ какъ великорусская группа говоровъ соединяетъ говоры сѣверно-русской и средне-русской группы, а бѣлорусская заключаетъ лишь западную часть средне-русской группы. Вмѣсто прежнихъ трехъ группъ—сѣверно-русской, средне-русской и южно-русской явились сначала, благодаря распаденію средней группы на восточную и западную половины, четыре группы, но послѣдующія событія соединили восточную часть средне-русской группы съ сѣверно-русскою и образовали группу великорусскую. Такимъ образомъ малорусская группа цѣлѣмъ, чѣмъ всѣ остальные, сохранила свою связь съ древней группой соотвѣтствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполне представлена современной группой—малорусской.^{*} Точно также цѣлѣмъ, но только одну часть древней группы средне-русскихъ говоровъ, представляетъ современная бѣлорусская группа. Менѣе всего соотвѣтствуетъ древнимъ группамъ—великорусская: объединяющее влияніе общей политической и культурной жизни создало только въ центрѣ и во вновь захваченныхъ земляхъ болѣе или менѣе однородное цѣлое изъ обонхъ элементовъ—сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ. Но даже въ центрѣ, а тѣмъ болѣе на безраздѣльно принадлежавшихъ тому или другому элементу окраинахъ, между ними не создалось единства въ языкѣ: историкъ языка можетъ говорить о малорусскомъ, бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ въ ихъ исторіи, но, переходя къ великоруссамъ, ему приходится говорить отдѣльно о сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ нарѣчіяхъ. Поэтому понятіямъ „малорусское“ и „бѣлорусское“ нарѣчіе должно быть противопоставлено понятіе не о „великорусскомъ“ нарѣчій, а о „сѣверно-великорусскомъ“ и „южно-великорусскомъ“ нарѣчіяхъ. Малорусская и бѣлорусская народность—

это научныя фикціи, болѣе или менѣе соотвѣтствующія реальной дѣйствительности въ ея настоящемъ и прошломъ; великорусская народность—это научная фикція, находящая оправданіе лишь въ томъ обстоятельстве, что историческія событія содѣйствовали образованію общей народности изъ тѣхъ частей сѣверно-русскаго и средне-русскаго племени, которыя оказывались лицомъ къ лицу въ бассейнахъ нижняго теченія Оки и верхняго теченія Волги, а также во вновь колонизованномъ усиліями владимирскаго княжества и московскаго государства среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ. Другія части сѣверно-русскаго и средне-русскаго племени—жители Архангельской или Олонецкой губерніи, съ одной стороны, Орловской или южной части Калужской, съ другой—явно тяготеютъ къ великорусскому ядру, но до сихъ поръ сохраняютъ настолько своеобразный характеръ, что, напримѣръ, вызываютъ въ изслѣдователяхъ предположенія о томъ, что въ Орловской губерніи живутъ не великоруссы, а „чистѣйшіе“ бѣлоруссы.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ говоровъ и къ установленію связи между современными диалектическими особенностями и древними племенными отличіями.

Малорусская группа говоровъ соотвѣтствуетъ по своему составу древней южно-русской группѣ. Подобно тому какъ южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчія. Главнымъ признакомъ при такомъ дѣленіи служитъ измѣненіе южно-русскихъ дифтонгическихъ сочетаній *yo, iö, ie* изъ долгихъ *o, ö, e*: въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ дифтонги эти или сохраняются, или переходятъ въ звуки *y, ю, и* (средній звукъ между *i* и *o*), *e* и *i*; въ южно-малорусскихъ говорахъ они переходятъ въ *i* (при чемъ *u* на мѣстѣ *o* въ нѣкоторыхъ діалектахъ представляется заимствованіемъ изъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ). Имѣя въ виду этотъ а также и другіе признаки, можемъ дать приблизительно слѣдующее опредѣленіе площади *сѣверно-малорусскаго* поднарѣчія. Оно слышится въ Черниговской губерніи, при чемъ въ южныхъ уѣздахъ ея, соедѣненныхъ съ Полтавщиной, преобладаетъ южно-малорусское поднарѣчіе; далѣе въ Полѣсьѣ, а именно въ Радомысльскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, въ сѣверныхъ уѣздахъ Волынской губерніи и въ южныхъ (Мозырскомъ и Пинскомъ) уѣздахъ Минской; къ западу—въ Подляшѣ въ большей части Гродненской и во всей почти Сѣдлецкой губерніи; наконецъ, къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію должно отнести и тѣ

угро-русскіе говоры, которые имѣютъ дифтонгъ *yi* и звуки *y, ю* на мѣстѣ древнихъ *o, ö*: сюда относятся говоры Бережско-Угочскаго, Сатмарскаго и Марамарошскаго и др. комитатовъ на сѣверѣ, галицкихъ и угорскихъ лемковъ на югѣ. „Сѣверно-малорусскіе говоры, говоритъ Соболевскій, за немногими исключеніями, принадлежатъ къ числу или переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ, и смѣшанныхъ. Они обыкновенно составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-русскихъ“¹⁾. Очевидно, говоры сѣверно-малорусскаго поднарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверно-малорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южно-малоруссами (волянцами и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію средне-русскихъ дреговичей и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ отступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ; татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи; ясно, почему южные малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ средне-руссами. Оставляя въ сторонѣ вновь заселенную заднѣпровскую часть территоріи, занятой сѣверными малоруссами (Подесенье), видимъ, что въ Радомысльскомъ уѣздѣ Киевской губерніи, равно какъ въ Овручскомъ, Житомирскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, Ровенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи, сѣверно-малорусскія черты смѣшиваются съ чертами южно-малорусскими: рядомъ съ дифтонгами *yi, юi, yo, ye, юe* и т. д., находимъ *i* (винъ), рядомъ съ *т* твердымъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ—*т* мягкое, рядомъ съ твердымъ *р*—*р* мягкое. Бѣлорусскихъ особенностей въ указанныхъ мѣстностяхъ нѣтъ, и это является рѣшительнымъ свидѣтельствомъ противъ возможнаго предположенія о томъ, что полѣхи сѣверной части Киевской и указанныхъ уѣздовъ Волынской губерніи продвинулись сюда съ сѣвера. Въ Подляшѣ говоры южной части Гродненской и большей (кромѣ сѣверо-восточной и сѣверо-западной) части Сѣдлецкой губерніи въ общемъ представляютъ довольно чистый сѣверно-малорусскій типъ говоровъ, но все они не чужды южно-малорусскихъ особенностей: сравните спорадическое *i* вмѣсто ожидаемаго дифтонга *yo* или его обыкновенныхъ замѣстителей *yi, y*, мягкое *т*

¹⁾ Очеркъ русской диалектологіи, Малорусское нарѣчіе (*Живая Старина*, II, выпускъ 4, стр. 12).

при твердомъ въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго. Въ Угорской Руси видимъ какъ проникновеніе южно-малорусскихъ особенностей въ говоры сѣверно-малорусскіе (имѣющіе дифтонги и *у* на мѣстѣ южно-малорусскаго *ѣ*), напримѣръ, мягкаго *р* (теперь, дѣръгаты), такъ и тѣсное сосѣдство этихъ говоровъ съ южно-малорусскими (напримѣръ, въ Марамарошскомъ комитатѣ можно отмѣтить существованіе и тѣхъ и другихъ говоровъ). Сближеніе съ бѣлорусскими (средне-русскими) говорами находимъ въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи (здѣсь мѣстами акаютъ и дзekaютъ, 3-е лицо на *цѣ* вмѣсто *тѣ* и др.); къ западу отъ Горыни видимъ смѣшеніе сѣверно-малорусскихъ особенностей не только съ бѣлорусскими, но и съ южно-малорусскими: сюда относятся нѣкоторые говоры Владимиро-Волинскаго уѣзда, а также говоры пинчуковъ, гдѣ, рядомъ съ дифтонгами *ум*, *юм* и замѣняющими ихъ звуками *у*, *ы*, находимъ не только южно-малорусское *ѣ*, но также бѣлорусское смягченіе согласныхъ передъ *е*, дзеканье и аканье.

Замѣчательно, что въ Гродненской губерніи видимъ сближеніе съ бѣлоруссами не на сѣверо-востокѣ, а на сѣверо-западѣ—въ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ; такъ называемый заблудовскій говоръ этой мѣстности повліялъ и на сосѣднія части Сѣдлецкой губерніи, гдѣ находимъ аканіе и дзеканіе. Изъ предыдущихъ указаній видно, что въ настоящее время территория сѣверно-малорусскаго поднарѣчья не представляется сплошною и однородною: во-первыхъ, угро-русскіе говоры совершенно оторваны отъ прочихъ южно-малорусскими говорами Галиціи, во-вторыхъ, между польскими говорами Овручскаго и другихъ уѣздовъ и подляшскими говорами Гродненской губерніи видимъ говоръ пинчуковъ, отличающійся отъ нихъ какъ значительнымъ вліяніемъ, испытаннымъ со стороны говоровъ южно-малорусскихъ, такъ въ особенности бѣлорусскими особенностями, на столько значительными, что изслѣдователи колеблются къ какой семьѣ говоровъ отнести пинчуковъ—къ малорусской или бѣлорусской. Но общія черты въ фонетикѣ разсматриваемыхъ говоровъ позволяютъ отнести къ одному общему поднарѣчью какъ польскіе и подляшскіе, такъ и угро-русскіе говоры; слѣдовательно, мы въ правѣ предположить, что эти говоры занимали раньше сплошную территорию. Современное же ихъ раздробленіе надо объяснить тѣмъ, что они лишь отчасти сохранили за собой первоначальныя поселенія, такъ какъ въ большей своей массѣ сѣверные малоруссы уступили свою территорию южнымъ малоруссамъ и отчасти сами заняли территорию другаго племени—средне-

русскаго. Сѣверно-малорусское племя наиболѣе устойчиво сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянскаго земли, а въ болѣе позднюю—территорию полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ южно-малорусскія особенности. За Горыню жило сѣверно-малорусское племя дулѣбовъ: подъ напоромъ южно-малорусскихъ волынянъ оно двинулось къ сѣверу, но здѣсь встрѣтило дреговичей въ пинскихъ болотахъ: лишь частью осѣвъ среди нихъ и смѣшавшись съ ними, дулѣбы двинулись къ сѣверо-западу, въ территорию ятвяговъ, которую и заняли съ теченіемъ времени. Они встрѣтились здѣсь съ бужанами, которые должны были уступить верхнее и среднее теченіе Западнаго Буга южно-малоруссамъ. Наконецъ, родственные бужанамъ и дулѣбамъ потомки современныхъ угроруссовъ—хорваты, ассимилировавшіе южнымъ малоруссамъ (тиверцамъ), сохранили черты своего древняго говора лишь на крайнемъ западѣ—въ Карпатахъ. Цѣлый рядъ соображеній можетъ подтвердить, что именно этимъ путемъ раздробилось прежнее сѣверно-малорусское единство: если бы сѣверные малоруссы на востокѣ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, сидѣли не на дреговической землѣ, намъ непонятны были бы бѣлорусскія особенности ихъ говора, тѣмъ болѣе что за Припетью въ томъ же Мозырскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ сидятъ теперь не бѣлоруссы, а также смѣшанное изъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ населеніе; связь польскихъ и подляшскихъ говоровъ несомнѣнна, но ихъ раздѣляетъ территория древнихъ дреговичей (современныхъ пинчуковъ): ясно, что восточная и западная вѣтви сѣверно-малорусскаго племени въ своемъ поступательномъ движеніи къ сѣверу заняли территорию другаго племени, которое на востокѣ успѣло тѣснѣе сблизиться съ ними, чѣмъ на западѣ; но у пинчуковъ, кромѣ сѣверно-малорусскихъ особенностей, находимъ и южно-малорусскія звуковыя черты: это указываетъ, что южные малоруссы проникли туда вслѣдъ за сѣверными малоруссами, проникли именно потому, что сѣверные малоруссы не осѣли здѣсь такими сплошными массами, какъ на востокѣ и на западѣ—въ Подляшьѣ. Наконецъ, территориальная связь угроруссовъ и галицкихъ карпаторуссовъ съ сѣверными малоруссами можетъ быть восстановлена еще и теперь, если мы примемъ во вниманіе, что между ними находятся червоно-русскіе говоры, въ значительной части своей фонетики принадлежащіе къ сѣверно-малорусскому нарѣчью: ср., напримѣръ, твердое *р*,

твердое *т* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, большую близость *и* (изъ *і* и *ы*) къ *ы*, чѣмъ въ южно-малорусскомъ (ср. ниже) и др.

Въ направленіи отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ югу по правую сторону Днѣпра, къ югу и востоку по лѣвую его сторону, къ востоку отъ при Карпатской области тянется территория *южно-малорусскаго* поднарѣчія. Это поднарѣчіе, имѣя въ виду теперешнее его географическое распространеніе, можно раздѣлить на двѣ главныя группы: юго-восточную по лѣвую сторону Днѣпра, западную по правую. Главное отличіе обѣихъ группъ заключается въ ихъ отношеніяхъ къ сѣверно-малорусскимъ говорамъ. Между тѣмъ какъ юго-восточная группа почти не содержитъ говоровъ со смѣшанными южно-малорусскими и сѣверно-малорусскими особенностями, въ западной группѣ нельзя указать ни одного говора, который былъ бы свободенъ отъ сѣверно-малорусскаго вліянія. Подобное раздѣленіе южно-малорусскаго поднарѣчія подсказано мнѣ указаніями, данными К. П. Михальчукомъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи: „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“¹⁾. Онъ принимаетъ два дѣленія Украинскаго нарѣчія: первое дѣленіе его различаетъ сѣверное, среднее и южное поднарѣчія, а второе указываетъ на то, что среднее и южное поднарѣчія, „въ существенныхъ чертахъ“ мало отличающіяся другъ отъ друга, можно разсматривать какъ одно цѣлое, распадающееся на двѣ группы: юго-восточную и западную. Къ первой группѣ г. Михальчукъ относитъ Каневско-Полтавское и Слободско-Украинское разворѣчія, а ко второй—Волинско-Украинское и Побережско-Подольское разворѣчія, то-есть къ западной группѣ относятся говоры по правую, а къ юго-восточной группѣ говоры по лѣвую сторону Днѣпра. Въ виду приводимыхъ почтеннымъ изслѣдователемъ данныхъ для характеристики сначала средняго и южнаго поднарѣчій, а потомъ западной и юго-восточной группы, я думаю, что мы можемъ рѣшительнымъ образомъ отклонить первое дѣленіе его (то-есть на сѣверное, среднее и южное украинскія поднарѣчія) и также рѣшительно принять второе дѣленіе (на западную и юго-восточную группу). Дѣйствительно, г. Михальчукомъ отмѣчена только одна „существенная“ особенность, отличающая средне-украинское отъ южно-украинскаго поднарѣчія: въ первомъ согласномъ *д*, *т*, *з*, *с* глагольной основы соотвѣтствуютъ въ 1-мъ л. наст. вр. *дж*, *ж*, *ч*. *ш* (ходжу, вожу, ношу, хочу), а во

¹⁾ Тр. этногр.-стат. эксп. въ Западно-русскій край, т. VII, вып. 2-й.

второмъ поднарѣчій эти согласныя только смягчаются въ указанной формѣ (ходю, хотю, возю, носю). Напротивъ, тотъ же изслѣдователь приводитъ болѣе шести весьма существенныхъ признаковъ, отличающихъ западную и юго-восточную группы¹⁾. Поэтому принимая, вслѣдъ за Михальчукомъ, двѣ группы южно-малорусскихъ говоровъ—западную и юго-восточную, я считаю сѣверную полосу той и другой группы областью смѣшанныхъ, переходныхъ говоровъ отъ южно-малорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію: также смотреть на эти говоры Михальчукъ, что видно изъ даннаго имъ названія—украинско-польскихъ. Возвращаясь къ дѣленію южно-малорусскаго поднарѣчія, видимъ, что западная группа тамъ, гдѣ она отступаетъ отъ юго-восточной, сходится съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ: ср. отвердѣніе *р*, произношеніе *л*, произношеніе *и* какъ *ы*, отвердѣніе *т* въ 3-мъ л. и др. Въ виду этого, предполагая первоначальное единство южно-малорусской группы, въ противоположеніи ея къ группѣ сѣверно-малорусской, я думаю, что первоначальныя черты южно-малорусскаго поднарѣчія въ юго-восточной группѣ сохранились въ большей чистотѣ, чѣмъ въ западной, гдѣ сказалось вліяніе сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Такая постановка вопроса позволить намъ привлечь къ предложенному Михальчукомъ дѣленію южно-русскихъ говоровъ и галицкіе (червоно-русскіе) говоры. Всю площадь южно-малорусскаго поднарѣчія отъ Карпатъ до Дона можно раздѣлить на юго-восточную, съ одной стороны, западную и сѣверо-восточную половины, съ другой. Западная и сѣверо-восточная половина южно-малорусскихъ говоровъ отличается отъ юго-восточной чѣмъ, что представляютъ рядъ говоровъ переходныхъ, и при томъ въ различное время, при различныхъ условіяхъ смѣшавшихся съ сѣверно-малорусскими говорами; юго-восточная половина сохранила южно-малорусскій типъ во всей чистотѣ. Такъ на крайнемъ западѣ находимъ карпатскіе говоры: нѣкоторые изъ

¹⁾ Въ западной группѣ согласныя зубныя передъ *і* изъ *о* удерживаютъ свою твердость; въ юго-восточной этого нѣтъ; въ зап. гр. *и* = великорусск. и польск. *ы*, въ юго-вост. *и*—среднее между *ы* и *і* острымъ; въ западной группѣ *л* твердое тверже юго-восточнаго (приближающагося по звуку къ *л*) и равняется великорусскому и польскому *л*, *ѣ*; въ западной группѣ *р* никогда не смягчается (но передъ *і* оно принимаетъ видъ мягкости), въ юго-восточной *р* мягкое распространено; въ западной группѣ 3 л. един. и мн. оканчивается на *ть* и *тъ*, въ юго-восточной только на *тъ*; группы согласныхъ изъ „согласная+*ж*“ въ юго-восточной группѣ произносятся гораздо рѣже и встрѣчаются чаще, чѣмъ въ западной (юго-восточныя: *пирья*, *біганья*, а въ западной гр. почти: *пирья*, *біганья*) и др.

нихъ мы отнесли выше къ сѣверно-малорусскому поднарѣчю, другіе, какъ напримѣръ говоры Бойковъ и Гуцуловъ, ближе къ южно-малорусскому поднарѣчю, но и въ нихъ есть сѣверно-малорусскія черты, напримѣръ, *тэ* въ 3-мъ л. обонхъ чиселъ, переходъ *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ и нѣкоторыя др. ¹⁾; восточнѣе отъ нихъ тянутся галицкіе говоры, гдѣ, рядомъ съ существенными чертами южно-малорусскаго вокализма, находимъ нѣсколько сѣверно-малорусскихъ чертъ, напримѣръ, отвердѣніе *р*, *тэ* въ 3 л. обонхъ чиселъ, произношеніе *и* близко къ *и*, и въ особенности переходъ *а* послѣ *ј* и смягченныхъ согласныхъ въ *е* (жель, памьеть, щестье) ²⁾; еще восточнѣе начинаются украинскіе говоры; въ Подоліи и Холмщинѣ находимъ говоры, „въ фонетическомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличающіеся“ отъ украинскихъ, но представляющіе и сѣверно-малорусскія черты, ср. въ Холмскомъ уѣздѣ *е* вм. *я* (принети); далѣе, какъ въ Подоліи, такъ и въ западной Волыни, *тэ* въ 3-мъ л. обонхъ чиселъ, отвердѣніе *р* и др. Наконецъ, въ собственной Украинѣ, какъ отмѣчено выше, рядомъ съ существенными чертами южно-малорусскихъ говоронъ, находимъ нѣкоторыя сѣверно-малорусскія особенности. Чѣмъ ближе къ Польсью, то-есть къ сѣверно-малорусской территоріи, тѣмъ болѣе такихъ особенностей: такъ въ Ковельскомъ, Луцкомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Волынской губерніи находимъ переходъ *а* въ *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ, произношеніе *и* какъ *и*, отвердѣніе *р*, *тэ* въ 3 л. обонхъ чиселъ, переходъ *о* не въ острое *і*, а въ *и*, „произносающееся гортанно и дебело“ и переходящее въ *е*, при чемъ рядомъ является и *і* (лпѣ, пѣпъ и пѣпъ); въ Радомысльскомъ уѣздѣ вм. *і* остраго изъ *о* является и *и* (или *и*), напримѣръ, братиу, лый и т. п.; въ Кіевскомъ уѣздѣ извѣстно спорадическое *е* вм. *я* (поесъ) и т. д.; Не мало сѣверно-малорусскихъ чертъ найдемъ и южнѣе въ области „средне-украинскаго“ и „южно-украинскаго“ поднарѣчій, по терминологіи Михальчука: такъ въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи *тэ* въ 3-мъ л. произносится твердо, *р* передъ *а* отвердѣваетъ, въ Литинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи замѣчается отвердѣніе *р*, въ Ушицкомъ уѣздѣ той же губерніи *тэ* въ 3-мъ л. ед. и мн. произносятся твердо

¹⁾ Въ нихъ нѣтъ *у* на мѣстѣ *о* вм. южно-малорусскаго *і*.

²⁾ Эта звуковая особенность характеризуетъ сѣверно-малорусскіе говоры и распространена какъ въ польскихъ, такъ и въ подляшскихъ говорахъ; ср. отождествленіе галицкаго и гуцульскаго явленій съ сѣверно-малорусскимъ у *Огново-скаго*, Studien auf d. Geb. der ruth. Spr. 44—45.

и т. д. Сѣверо-восточные говоры южно-малорусскаго нарѣчія занимаютъ южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, сѣверо-западную полосу Харьковской и западный уголь Курской губерній ¹⁾. Мало чѣмъ отличаюсь отъ говоронъ западной территоріи мало-русскаго нарѣчія, они также могутъ быть названы переходными отъ южныхъ говоронъ къ сѣверно-малорусскимъ. Такъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ Полтавской губерніи встрѣчаемъ на мѣстѣ южно-малорусскаго *і* изъ *о* звукъ средней между *і* острымъ и *и*, а также твердое *р*; такое же *и* вм. *і* является въ Переяславскомъ уѣздѣ, при чемъ *р* преимущественно твердо. Въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи находимъ *и* и *у* на мѣстѣ южно-малорусскаго *і*, иногда *е* вм. *я* и твердое *р* вмѣсто мягкаго; въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ уѣздахъ встрѣчаются дифтонги *уи*, *юи*, *е* вмѣсто *я*, твердое *р* и др. ²⁾. Въ наибольшей чистотѣ сохраняется южно-малорусское нарѣчье въ Полтавской, Харьковской, южной части Курской и юго-западной части Воронежской губерній, то-есть въ юго-восточной половинѣ территоріи, занятой малоруссами. Имѣя въ виду, что только что указанныя мѣстности заселены малоруссами сравнительно очень недавно, мы заключаемъ, что предложенное дѣленіе южно-малорусскаго поднарѣчія на юго-восточную группу и группу, заключающую западные и сѣверо-восточные говоры, не можетъ быть древнимъ по географическому своему распредѣленію; ему должно соответствовать другое, первоначальное распредѣленіе говоронъ южно-малорусскаго нарѣчія и въ той области, которую нѣкогда ограничивалось мало-русское племя, то-есть, въ Заднѣпровьѣ. Здѣсь должны были, еще до колонизаціоннаго движенія на востокъ, различаться двѣ группы говоронъ, изъ которыхъ одна соответствовала бы современной юго-восточной группѣ, а другая заключала бы говоры, соответствующіе современнымъ западнымъ и сѣверо-восточнымъ. Опредѣляя взаимное географическое отношеніе этихъ обѣихъ группъ въ Заднѣпровьѣ, съ увѣренностью можемъ признать, что говоры, соответствующіе современнымъ западнымъ и сѣверо-восточнымъ говорамъ, были расположены къ сѣверу отъ говоронъ современной юго-восточной группы, такъ какъ они представляютъ рядъ переходныхъ чертъ къ сѣверно-малорусскому поднарѣчю. Слѣдовательно, изученіе современныхъ мало-русскихъ говоронъ приводитъ насъ къ заключенію объ иско-

¹⁾ К. П. Михальчукъ, въ Тр. этногр.-стат. эксп. VII, вып. 2-й, с. 473, 474.

²⁾ Ср. Соболевскій, Очерки русской диалектологіи.

номъ дѣленіи мало-русскаго нарѣчія на сѣверное и южное поднарѣчія; существованіе цѣлаго ряда смѣшанныхъ говоровъ между обоими этими поднарѣчіями ясно указываетъ на продолжительныя столкновенія между южными и сѣверными малоруссами; столкновенія эти имѣли слѣдствіемъ появленіе южно-малорусскихъ говоровъ на сѣверно-малорусской территоріи, что особенно убѣдительно доказываютъ угро-русскіе и галицкіе говоры, сохранившіе свои сѣверно-малорусскія черты тамъ, гдѣ не такъ скоро могла ихъ ассимилировать южно-малорусская волна; но не менѣе важны указанія и другихъ говоровъ: появленіе сѣверно-малорусскихъ чертъ въ Подольской или южной части Киевской губерній врядъ ли можно объяснить давленіемъ сѣверныхъ малоруссовъ на южныхъ; историки указываютъ на постепенное отбѣсненіе древлянъ подъ напоромъ волынянъ къ сѣверу, а потому сѣверно-малорусскія черты въ говорѣ южно-малорусскихъ волынянъ можно объяснить какъ результатъ смѣшенія ихъ съ древлянами. Въ сторонѣ отъ этихъ столкновеній оставались наиболѣе южныя племена малорусскія, которыя, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ выше событій XIII вѣка, не вполне втянулись и въ общую политическую жизнь прочихъ племенъ; послѣ колонизаціоннаго движенія, охватившаго сѣверныхъ ихъ сосѣдей, которые заняли южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, наступила очередь и для этихъ южныхъ племенъ, жителей древняго Понизовья, сидѣвшихъ между Богомъ и Днѣстромъ: они заняли Слободскую Украину и южныя степи, принеся туда свой древній языкъ, мало потерпѣвшій отъ столкновеній съ родственными племенами. Оставленные ими въ Заднѣпровьѣ мѣста были заняты сѣверными сосѣдями, сидѣвшими между ними и сѣверными малоруссами—полѣхами.

Бѣлорусская группа говоровъ заключаетъ въ себѣ не только среднерусскіе говоры (чисто бѣлорусскіе), но и рядъ переходныхъ говоровъ къ малорусской и сѣверно-великорусской группѣ. Точно также бѣлорусская народность составила изъ трехъ элементовъ—среднерусскаго, малорусскихъ и сѣверно-русскихъ, изъ которыхъ первый поглотили оба другіе. Въ области языка видимъ, что говоры южной части Бѣлоруссіи въ существенныхъ чертахъ своихъ бѣлорусскіе, хотя они и содержатъ малорусскія особенности; на сѣверо-востокѣ бѣлорусской территоріи поглощенные бѣлорусскою волной сѣверно-руссы оставили лишь незначительное число звуковыхъ особенностей въ воспринятой ими бѣлорусской рѣчи. Все это позволяетъ намъ разсматривать какъ нѣчто единое разнообразныя по происхожденію говоры

отъ Припечи до бассейна Западной Двины, отъ польскихъ границъ до истоковъ Волги и Оки. Бѣлорусскую группу говоровъ можно раздѣлить на три полосы: южную, среднюю и сѣверную. *Южная* полоса—это область переходныхъ говоровъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому нарѣчію: на востокѣ она прилегаетъ къ полѣшскимъ, на западѣ къ подляшскимъ говорамъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія; на востокѣ она обнимаетъ южную часть Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи, южные уѣзды Минской губерніи: Рѣчицкій, Мозырскій (сѣверную его часть, а южная за Припечью можетъ быть отнесена къ малорусской территоріи), Бобруйскій, Игуменскій, Минскій и Слуцкій; мы найдемъ здѣсь рядомъ съ бѣлорусскимъ аканіемъ и дзеканіемъ малорусскіе дифтонги *yo, mo, ym, ie*, а также спорадически твердость согласныхъ передъ *e* (мѣтъ вмѣсто мѣдъ); на западѣ южная полоса бѣлорусскихъ говоровъ обнимаетъ сѣверо-западную часть Гродненской губерніи, при чемъ даже на сѣверѣ Гродненскаго уѣзда попадаются спорадическія особенности малорусской рѣчи. *Средняя* полоса бѣлорусской территоріи заключаетъ въ себѣ южные и юго-западные уѣзды Смоленской губерніи (Смоленскій, Красненскій, Ельнинскій, Рославльскій), Могилевскую губернію, сѣверные уѣзды Минской и Виленскую губерніи: она отличается отъ южной полосы тѣмъ, что не имѣетъ малорусскихъ особенностей, а отъ сѣверной тѣмъ, что не знаетъ измѣненія *ч* въ *ц* (цоканія). Повидимому, среднюю полосу бѣлорусской рѣчи можно раздѣлить на восточную и западную половины. Къ восточной половинѣ относятся тѣ говоры, гдѣ рядомъ съ аканіемъ замѣчается измѣненіе звуковъ *o* и *e* въ направленіе къ *и* и *и* (даже въ слогѣ передъ удареніемъ); къ западной половинѣ относятся говоры съ рѣзкимъ аканіемъ. Быть можетъ, точнѣе говорить о сѣверо-восточной и юго-западной половинѣ средней полосы, имѣя въ виду, что къ первой относятся говоры смоленской, сѣверной и восточной части Могилевской, сѣверо-восточной части Минской губерній, а ко второй относятся говоры западной части Могилевской, средней части Минской губерній и говоры Виленской губерніи. *Сѣверная* полоса бѣлорусской группы заключаетъ въ себѣ рядъ говоровъ, сохранившихъ указаніе на то, что они замѣнили собою сѣверно-русскіе говоры, смѣшавшись съ ними: это—цокающіе говоры сѣверной части Смоленской губерніи (Духовщинскій, Бѣльскій, Порѣцкій уѣзды), юго-западной части Тверской губерніи (Ржевскій и Зубцовскій уѣзды), а также Витебской и Псковской губерній. Замѣчательно, что въ этихъ говорахъ аканіе напоминаетъ не юго-западные говоры средней полосы, а

прилежающіе къ нимъ сѣверно-восточные говоры средней полосы, а это наводитъ на мысль, что бѣлорусское нарѣчіе издавна распалось на юго-западную группу (рѣзко акавшую) и сѣверо-восточную (измѣнявшую *о* и *е* въ направленіи не только къ *а*, но и къ *и*, *и*); дреговичи и радимичи, двигавшіеся къ сѣверу и востоку, были бы представителями второй группы (ср. сходныя явленія въ говорѣ вятичей), а племена, шедшія слѣдомъ за ними съ юго-запада, были бы представителями первой группы. Весьма вѣроятно, что движеніе малоруссовъ къ сѣверу отразилось не только на дреговичахъ, частью смѣшавшихся съ малоруссами (ср. говоры южныхъ уѣздовъ Минской губерніи), а частью двинувшихся къ сѣверу въ область кривичей, но также и на западныхъ племенахъ бѣлорусскихъ, когда малоруссы стали пробиваться къ бассейну Нѣмана: ср. смѣшанные бѣлорусско-малорусскіе говоры въ Гродненскомъ Подляшій; вотъ эти то племена и двинулись въ Виленскую, а частью въ Минскую и даже Могилевскую губерніи, можетъ быть, въ связи съ переходомъ дреговичей (смѣшанныхъ съ древлянами) за Днѣпръ въ область Подесенья.—На востокъ бѣлорусскимъ говорамъ пришлось вести упорную борьбу съ восточными говорами средне-русской группы: вятичи, говорившіе сходно съ радимичами, потеряли рядъ особенностей бѣлорусской рѣчи подъ вліяніемъ сѣверянъ; современную область бѣлорусскаго нарѣчія слѣдуетъ на востокъ ограничивать тѣми предѣлами, до которыхъ доходятъ бѣлорусское дзеканіе и отвердѣніе *р*.

Южно-великорусская группа говоровъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько средне-русскихъ говоровъ, по происхожденію своему родственныхъ тѣмъ говорамъ, которые вошли въ бѣлорусскую группу. Выше было указано, что многіе бѣлорусскіе говоры, кромѣ измѣненія *о*, *е* въ *а*, знаютъ измѣненіе звуковъ *а*, *о*, *е* въ *и* и *и* даже въ слогахъ передъ удареніемъ. Такіе говоры имѣются и въ южно-великорусской группѣ и при томъ въ мѣстностяхъ, прилежающихъ къ бѣлорусской территоріи: въ восточныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, въ Калужской, Московской и Тульской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи. Выражаясь словами нѣкоторыхъ изслѣдователей, здѣсь нѣтъ *сильнаго* аканія, такъ какъ: во-первыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ даже въ слогѣ передъ удареніемъ, *я*, *а* замѣняются черезъ *и*, *и*, во-вторыхъ при другихъ условіяхъ, а именно подъ вліяніемъ мягкости слѣдующей согласной,—неударяемыя *е*, *я* переходятъ въ *и*, наконецъ, въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ при всякихъ условіяхъ *я* замѣняется черезъ *и*. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ восточнѣе

говоръ, тѣмъ онъ сильнѣе акаеть; относительно Калужской губерніи можно указать, что на юго-востокѣ акаютъ сильнѣе, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Вывою отсюда заключеніе, согласованное съ тѣмъ, которое сдѣлано выше относительно бѣлорусской группы: умѣренное аканіе, переходъ *а*, *я* въ *и*, *и*, характеризуетъ преимущественно говоръ древнихъ вятичей говорившихъ сходно съ смоленскими радимичами и полоцкими дреговичами; слѣдовательно, сильное аканіе—это черта восточнаго говора средне-русской группы, особенность сѣверскаго говора. Подтвержденіе такому предположенію я нахожу какъ въ томъ обстоятельстве, что сильное аканіе слышится въ Рязанской губерніи, заселенной, какъ было указано, сѣверянами, такъ и въ томъ, что оно господствуетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губерніи, а также въ древней сѣверской области, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ говорахъ Новгородъ-сѣверскаго и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ¹⁾. Въ виду этихъ указаній, а также того обстоятельства, что, подвигаясь отъ Смоленской губерніи къ Рязанской, мы находимъ все меньше и меньше звуковыхъ особенностей, характеризующихъ бѣлорусскую рѣчь²⁾, мнѣ кажется необходимымъ признать, что говоръ вятичей съ теченіемъ времени ассимилировался говору сѣверянъ, утрачивая свои рѣзкія отличія, какъ напримѣръ, дзеканіе и твердое *р*. Но, какъ указано было выше, остатки дзеканія сохраняются до сихъ поръ въ Калужской губ. (въ Мосальскомъ, Мещовскомъ, а по Далю и Жиздринскомъ уѣздахъ); поэтому вѣроятно, что сѣверское вліяніе долго не могло проникнуть въ вятичскіе говоры, тѣмъ болѣе, что вятичи одно время тянули къ родственнымъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ литовско-русскаго государства.

Я указывалъ выше на то, что сѣверяне и вятичи уже съ первыхъ вѣковъ нашей исторической жизни перешли въ наступательное движеніе къ сѣверу, въ область кривичей. Въ результатъ мы находимъ еще и теперь въ области южно-великорусской рѣчи цѣлый рядъ говоровъ, содержащихъ ясныя слѣды своего сѣвернаго происхожденія: наиболѣе интересныя данныя извлекаются изъ касимовскихъ говоровъ Рязанской губерніи, гдѣ, по указанію проф. Буде³⁾, находимъ до сихъ поръ сѣверно-русское *з*, а также слѣды сѣвернаго оканія и смѣшеніе *ч*

¹⁾ *Соболѣвскій*, Опытъ русской діалектологіи, 24.

²⁾ Напримѣръ удвоеніе согласныхъ въ случаяхъ какъ судья, свииня; *ы* вмѣсто *о* мыю, крью; *э* вмѣсто *о*, фонетически же вмѣсто *ы* (аднѣй) и т. д.

³⁾ Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань 1896.

и *ц*. Миѣ неясно еще отношеніе этихъ говоровъ къ южно-рязанскимъ, такъ какъ въ нихъ имѣются южно-великорусскія черты, которыхъ нѣтъ въ южно-рязанскихъ говорахъ: отношу теперь сюда смѣшеніе *у* и *е*, такъ какъ его трудно отдѣлить отъ подобнаго же явленія въ говорахъ тульскихъ и калужскихъ. Если, при ближайшемъ изслѣдованіи, выяснится сходство касимовскихъ говоровъ съ егорьевскими (въ Егорьевскомъ уѣздѣ извѣстна мѣна *ч* и *ц*), то возможно будетъ предположить, что сѣверная за-окская часть Рязанской губерніи была заселена вятичами, смѣшавшимися здѣсь съ болѣе ранними поселенцами—сѣверно-русскими кривичами, между тѣмъ какъ южная часть этой губерніи была колонизована, по Дону и его притокамъ, зашедшими при благоприятныхъ условіяхъ далеко на югъ сѣверянами. Въ Московской губерніи видимъ рядъ говоровъ по происхожденію своему сѣверно-русскихъ, но принявшихъ южно-великорусскій характеръ. Прежде всего сюда относится говоръ самой Москвы, ставшій языкомъ государственнымъ и литературнымъ: какъ извѣстно, въ немъ съ сѣверно-великорусскимъ произношеніемъ согласныхъ соединяются южно-великорусское произношеніе гласныхъ: имѣя въ виду, что оканье при встрѣчѣ съ аканьемъ обыкновенно уступаетъ ему, я склоненъ допустить, что Московское нарѣчіе по происхожденію своему не южно-великорусскій, а сѣверно-русскій говоръ, принявшій южно-великорусскій вокализмъ; подтвержденіе такому мнѣнію я нахожу какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ московскихъ, гдѣ не скоро пробивается аканіе, такъ и въ томъ, что почти на глазахъ современниковъ нарѣчіе это потеряло еще одну сѣверно-русскую особенность, замѣнивъ ее южно-великорусскою; въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ говорили, такъ же какъ теперь въ Ярославской губерніи: смѣляе, добряе, веселяе; теперь вмѣсто этого господствуетъ исключительно произношеніе: смѣлѣй, добрѣй, веселѣй, произношеніе, свойственное прежде всего южно-великорусскимъ говорамъ. Въ своемъ поступательномъ движеніи къ сѣверу, вятичи оставивъ Москву за собой, проникли и въ глубь современной Тверской губерніи, которую, почти въ цѣломъ ея составѣ, приобщили къ области южно-великорусской: какъ указано было выше, аканіе отмѣчено въ Тверскомъ, Осташковскомъ, Старицкомъ, Вышневолоцкомъ, Новоторжскомъ уѣздахъ. Но консонантизмъ здѣсь оказался также устойчивъ какъ на Москвѣ: *т* твердо въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, въ родит. падежѣ слышится въ *з*, а *з* произносится какъ мгновенная согласная и т. д. Не стану останавливаться здѣсь на смѣшанныхъ говорахъ, образовавшихся въ поволжскихъ губерніяхъ, колонизованныхъ

какъ сѣверно-руссами такъ и южно-великоруссами; отмѣчу только существованіе акающихъ говоровъ въ Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерніяхъ, не имѣющихъ ни придыхательнаго *з*, ни мягкаго *т* въ 3-мъ л., ни многихъ другихъ южно-великорусскихъ особенностей, очевидно утраченныхъ подъ вліяніемъ сѣверно-русскихъ сосѣдей.

Сѣверно-великорусская группа говоровъ, какъ видно изъ предшествующихъ указаній, потеряла цѣлый рядъ областей на югѣ: сѣверно-руссы вытѣснены средне-руссами не только съ береговъ Западной Двины и Чудскаго озера, но также въ средней Россіи съ истоковъ Двѣпра и Волги и съ береговъ Оки. Въ Псковской губерніи кривичамъ удалось сохранить за собой только Порховскій уѣздъ, издавна тянувшій не къ Пскову, а къ Новгороду; насколько извѣстно, здѣсь окаютъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ во всей остальной губерніи акаютъ подъ вліяніемъ бѣлорусскихъ дреговичей, продвинувшихся сюда съ юга. Въ Тверской губерніи сѣверно-руссы удержались только въ сѣверо-восточныхъ (въ Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ) и въ восточныхъ уѣздахъ (Корчевскомъ, Калязинскомъ, Кашиинскомъ); но вятичи распространили свое дзеканіе и здѣсь; въ Корчевѣ, по указанію Дала, дзekaютъ, какъ дзekaютъ и въ сосѣднемъ Вышневолоцкомъ и Боровичскомъ уѣздахъ; дзеканіе перешло, какъ мы видѣли, и въ Моложскій и Пошехонскій уѣзды Ярославской губерніи. Тѣснямые съ юга кривичи двинулись къ сѣверу и востоку: въ поступательномъ движеніи русскаго племени въ области финскія, а впоследствии и въ Сибирь сѣверно-руссы оказываются впереди всѣхъ. Этимъ объясняется то распространеніе, которое получило сѣверно-великорусское нарѣчіе къ востоку и къ юго-востоку; это же колонизаціонное движеніе сѣверно-руссовъ въ достаточной степени разъясняетъ и то обстоятельство, почему до сихъ поръ изслѣдователямъ не удалось отмѣтить какихъ-нибудь крупныхъ дѣленій въ сѣверно-русской группѣ. Правда, въ ней очень много разнообразныхъ говоровъ, но объединить ихъ въ болѣе обширныя нарѣчія, поднарѣчія не удалось ни Далю, ни Колосову, ни въ послѣднее время Соболевскому. Очевидно, колонизаціонное движеніе, не прекращавшееся съ эпохи общаго движенія русскихъ племенъ къ югу и востоку, принимавшее лишь различныя направленія, не давало возможности сѣверно-руссамъ разбиться на отдѣльныя группы.

Повторю вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ меня привело все предшествующее изслѣдованіе. Русскій языкъ издавна разбился на три

діалектичскія группы, соотвѣтствовавшія и племеннымъ группамъ восточной отрасли славянъ: эти группы можно назвать сѣверной, средней и южной сообразно съ географическимъ распредѣленіемъ ихъ въ древней Руси. Средне-русская діалектическая группа раздѣлилась на западную и восточную, а южно-русская на сѣверную и южную половины. Въ IX—X вѣкѣ русскія племена сидѣли гораздо дальше на юго-востокъ и юго-западъ, чѣмъ съ конца X вѣка, когда въ южно-русскаго степяхъ явились тюркскія орды сначала печенѣговъ и узовъ, а потомъ половцевъ; сообразно съ этимъ, сѣверно-русскаго и средне-русскаго діалектичскія границы заходили на югъ гораздо дальше, чѣмъ это можно заключить на основаніи данныхъ, представляемыхъ современными говорами. Подобно тому какъ южно-русскаго племена доходили до Чернаго моря и Дуная, западная половина средне-русскаго племени сидѣла частью южнѣе рѣки Припяти, а сѣверно-русскаго доходили до Западной Двины, верховьевъ Днѣпра и средняго теченія Оки; восточная половина средне-русскаго племени простиралась на юго-востокъ до Дона и Азовскаго моря. Съ тѣхъ поръ какъ событія на югѣ и непосильная борьба мирнаго русскаго населенія съ степными ордами заставили его отступить къ сѣверу, всѣ русскія племена поддаются этому новому движенію и занимаютъ территории, принадлежавшія сѣвернымъ ихъ сосѣдямъ. Такъ южная половина южно-русскаго садится тамъ, гдѣ раньше сидѣли сѣверныя племена южно-русскаго группы; при этомъ частью происходитъ смѣшеніе племени и діалектичскихъ особенностей южной и сѣверной половины. Въ свою очередь сѣверная половина южно-русскаго тѣснитъ западныя вѣтви средне-русскаго племени и заходитъ далеко къ сѣверу, образуя съ средне-русскаго смѣшанное племя со смѣшаннымъ нарѣчіемъ. Средне-русскаго оттѣсняютъ сѣверно-русскаго отъ западной Двины, а въ послѣдствіи даже отъ Чудскаго озера, направляя ихъ движенія къ сѣверо-востоку и востоку; другія вѣтви средне-русскаго племени отнимаютъ у сѣверно-русскаго верховья Днѣпра и западную часть верхняго Поволжья, и оттѣсняютъ ихъ отъ лѣваго берега Оки. Здѣсь на Окѣ западная вѣтвь средне-русскаго (вятичи) сталкивается и съ восточною ихъ вѣтвью (сѣверянами), которая проникаетъ въ рязанскую область съ юго-востока по Дону и его притокамъ. Сѣверно-русскаго открывается колонизаціонное движеніе на сѣверъ и востокъ, и дѣйствительно они скоро достигаютъ Бѣлаго моря и Урала, подвигаясь вмѣстѣ съ тѣмъ на востокъ, въ союзѣ съ средне-русскаго, по Волгѣ. Татарское нашествіе въ значительной степени упрочило то напра-

вленіе народнои жизни, которое она приняла съ тѣхъ поръ, какъ потеряла возможность расширяться къ югу. Вмѣстѣ съ тѣмъ это нашествіе, усиливъ опасность съ юга и востока, сплотило населеніе въ три политическія группы и содѣйствовало образованію трехъ народностей. На юго-западѣ объединеніе земли, достигнутое отчасти уже Романомъ, привело со временемъ къ единству народности, составившейся такимъ образомъ изъ обѣихъ половинъ южно-русскаго племеннои и діалектичскон группъ. На сѣверо-западѣ земля объединилась къ началу XIV вѣка, и бѣлорусская народность соединила западныя племена средне-русскаго группъ, а также ассимилировавшихся имъ южно-русскаго на югѣ и сѣверно-русскаго на сѣверѣ. Объединеніе земли на сѣверо-востокѣ началось уже въ концѣ XII вѣка, при чемъ уже тогда получила свое начало великорусская народность, составившаяся изъ племени сѣверно-русскаго и обѣихъ отраслей средне-русскаго племени — западнои (вятичи) и восточной (сѣверяне). Нашествіе татаръ отсрочило объединеніе на долгое время; въ XIV вѣкѣ оно возобновилось, и менѣе чѣмъ въ два столѣтія вокругъ Москвы соединились всѣ русскія земли, не попавшія подъ литовско-русскаго или польское владычество. Объединеніе земли дало возможность образоваться одной общей народности, и только наиболѣе отдаленныя отъ велико-русскаго ядра мѣстности не поддались ассимилирующему влиянію центра. Но языкъ особенно устойчиво сохранялъ свою индивидуальность: только въ Москвѣ и нѣкоторыхъ пограничныхъ, а также вновь колонизованныхъ мѣстностяхъ образовались смѣшанныя нарѣчія; вообще же великорусскій народъ можно до сихъ поръ дѣлить по языку на двѣ группы — сѣверно-великорусскую, соотвѣтствующую древней сѣверно-русскаго группѣ, и южно-великорусскую, соединившую западныя и восточныя нарѣчія средне-русскаго группъ.

Такъ на мѣсто трехъ древнихъ діалектичскихъ группъ — сѣверной, средней и южной явились четыре новыя — сѣверно-великорусская, южно-великорусская, бѣлорусская и малорусская.